

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК Советской Юстиции

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА: Москва, Рождественка, дом № 9.
Телеф. 1-11-64 и 1-20-85.

ЦЕНА НОМЕРА: { в Москве . 50 р.
„ провинции. 54 р.

№ 35.

23 сентября 1922 г.

№ 35.

== СОДЕРЖАНИЕ: ==

Статьи: *Прушинский*—„Об арбитражных комиссиях при СТО“. *Коваленков*—„Предварительное следствие по Уголовно-Процессуальному Кодексу“. *Лучанинов*—„Постановка судебно-медицинской экспертизы в связи с введением Уголовно-Процессуального Кодекса“. У.—„Об административных приказах“. *Чернов*—„Еще к вопросу о потровах“. *Брагинский*—„Обзор советского законодательства за время с 27 августа по 6 сентября 1922 г.“. Суд и жизнь: *Ю. Б.*—„К 1-ой годовщине Вятского исправительно-трудового дома“. *Заметки к Гражданскому Процессуальному Кодексу: Замуховский*—„Кто не может быть представителем сторон“. Дискуссионная страница по применению Уголовного и Угол.-Процессуального Кодексов: „Вопросы и ответы“. Из деятельности Народного Комиссариата Юстиции: *Проект Гражданского Процессуального Кодекса*.—Практика Высшего Судебного Контроля. Практика Особой Коллегии Высшего Контроля по земельным делам.—Хроника.—За рубежом.—Из зарубежной печати.—Объявления.

Официальное приложение: Декреты СНК.—Циркуляры Наркомюста.—Циркуляры Верховного Трибунала.

Об арбитражных комиссиях при СТО.

Вызывавший столько принципиальных разногласий и практических затруднений вопрос о допустимости разбора в судебном порядке взаимных претензий госучреждений друг к другу получил, наконец, свое разрешение В «Изв. ВЦИК» от 23-го сентября, № 215, опубликовано «Положение о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями». Нельзя сказать, чтобы Положение разрешало вопрос особенно удачно. И поэтому вряд ли порядок, устанавливаемый Положением, можно считать окончательным и постоянным. Обращает на себя внимание, прежде всего, отсутствие определенной, строго, от начала до конца, проведенной основной идеи и системы. Если правильное разрешение взаимных имущественных споров госучреждений требует, так называемых, судебных гарантий и свойственных судебным учреждениям порядков, то отпадает смысл существования особых органов, арбитражных комиссий. Если же основания для создания особых органов имеются, то, очевидно, из этого должны быть сделаны соответствующие выводы и эти выводы должны быть последовательно доведены до конца. Каковы же основания для особого порядка разбора претензий госучреждений? То, что они, ведя между собою имущественные споры, ведут спор не о своем, не о им принадлежащем имуществе, а об имуществе, принадлежащем одному и тому же хозяину и находящемся у них лишь в управлении. Какова бы ни была степень имущественной самостоятельности, предоставляемой отдельным госучреждениям

и госпредприятиям, все же, в случае возникновения между ними спора, спорное имущество, убытки, доходы и так далее в конечном итоге стекутся к одной имущественной массе хозяина, т.е. государства. Только потому, что госучреждения, ведущие имущественный спор, не являются двумя противниками, свободно распоряжающимися каждый в отдельности своим имуществом, что каждый из них лишь управляет отдельной составной частью имущества государства, взаимные претензии и споры могут и должны решаться и разрешаться «внутренним» порядком, хозяйским усмотрением и хозяйским распоряжением.

Но хозяйское усмотрение основывается не на юридических нормах, а на целесообразном плановом ведении своего хозяйства в целом. И распоряжение хозяина для всех управляющих отдельными частями его имущества обязательно. Эти до чрезвычайности простые, элементарные начала положены в основание Положения, что нашло себе самое яркое выражение в ст. 13, определяющей подход к решению арбитражными комиссиями спорных вопросов и предоставляющей арбитражным комиссиям право не только рассрочки и отсрочки исполнения, но и полного и частичного освобождения от обязательства и ответственности. Помимо того, в окончательную редакцию Положения внесено весьма существенное изменение, касающееся порядка исполнения решения арбитражных комиссий. В первоначальной редакции Положения, согласно ст. 12, решения арбитражных комиссий приводились в исполнение в общем порядке ис-

полнения судебных решений—через судебных исполнителей. Ясно, что если в результате разбора спорных дел между госучреждениями специальными органами при СТО и ЭКОСО, остается все-таки прибегать к содействию судебного исполнителя, если нет другой возможности обязать госучреждения исполнять эти решения, если, значит, арбитражные комиссии не орган хозяйского усмотрения, а третейский суд, необходимость и целесообразность существования этих комиссий становятся проблематичными. Эти две статьи (12 и 13) решают наиболее существенные моменты Положения. Решение, основанное на общегосударственных интересах в пределах действующих узаконений, и исполнение, определяемое при постановлениях решения, вызывают необходимость создания органа, отличающегося от суда и действующего в других условиях и в другом порядке, и имеющего иные цели и иные задачи. Но все же остается целый ряд других моментов, которые, хотя в сравнении с указанными двумя являются второстепенными, но в общем и целом представляют нежелательный уклон в сторону превращения арбитражных комиссий в особый суд, а не придания им характера комиссии при верховном хозяйственном органе, разрешающем хозяйственные споры хозяйским порядком. Начинается дело письменным иском заявлением и судебными пошлинами. Уплата судебных пошлин госучреждениями возбуждала много толков и вызвала целый ряд возражений (см. по этому поводу статью № 31—32 «Еженедельника Советской Юстиции»). При судебном, т.е. общем порядке, разборе споров госучреждений освобождение госучреждений от судебных пошлин не имело никаких оснований. При внутреннем, домашнем разборе дела, в своей среде, арбитражными комиссиями, какие бы то ни было пошлины и сборы, обуславливающие возможность возбуждения дела, могут, действительно, служить не малым препятствием к передаче спорного вопроса на разрешение арбитражной комиссии.

Допустимо всякого рода обложение госучреждений, переведенных на хозрасчет, но ставить возможность передачи спора в арбитражную комиссию в зависимость от соображений палатного характера, это значит подрывать в корне основную мысль, приведшую к необходимости создания арбитражных комиссий. То же следует сказать о ст. 6 Положения. Зачем понадобилось допускать в арбитражных комиссиях в качестве представителей госучреждений лиц, «имеющих право ведения чужих дел в общих судах Республики»? Юридическая аргументация, толкование законов меньше всего должны играть роль в арбитражных комиссиях. Спор о праве, конечно, решается согласно действующим законам, но не в этом суть. Даже спор о праве, поскольку он решается в порядке ст. 13 Положения, отодвигается на второе место. И каждое госучреждение, если ему поручена определенная отрасль работы, должно уметь само отстаивать свои права и свои интересы в арбитражных комиссиях. А если оно этого не умеет и вынуждено прибегать к содействию посторонних учреждений лиц, оно выдает себе свидетельство о непригодности, ибо гораздо труднее вести порученное дело, чем защищать то же дело в арбитражной комиссии. Участие профессиональных

защитников поневоле повлечет за собою устремление к правовому разрешению спорных вопросов, что, несомненно, находится в противоречии с основными началами Положения.

Далее, ст. 8 говорит, что слушание дела происходит с применением начал состязательного процесса. Начала состязательного процесса отвергнуты Положением о Народном Суде, как не только чуждые, но прямо противоречащие основным началам советского права. И если от состязательности процесса мы отказываемся в гражданском процессе, то в органах, рассматривающих споры госучреждений в арбитражном порядке, они по-прежнему применения иметь не могут. От одного из элементов состязательности—рассмотрение дела в пределах доказательств, представленных сторонами—Положение отказывается, допуская, правда, с оговоркой «в случае необходимости», собирание доказательств по собственному почину арбитражной комиссии. В случае необходимости! Какой, с божьей помощью, шаг назад. Неужели какой-либо орган, судебный ли или арбитражная комиссия, будет собирать доказательства без необходимости в этом. А затем, какое юридическое значение имеет такая оговорка. Может ли сторона обжаловать действия арбитражной комиссии, когда последняя собирает по собственному почину доказательства, на том основании, что нет необходимости в проявлении комиссией собственной инициативы? Я склонен думать, что нет. А если доказательства уже собраны, не о чем больше и говорить. Конечно, они должны быть приняты во внимание арбитражной комиссией при решении спора. Таким образом, оговорка «в случае необходимости» имеет отчасти декларативный характер, подчеркивающий исключительность этого случая, отчасти же инструктивный, напоминающий комиссиям о том, что это исключение и, как всякое исключение, должно применяться редко.

Второй элемент состязательности—*peto iudex sine active*—нет суда без истца—не только вытекает из ст. 8, но установлен, во избежание всяких сомнений, *expressis verbis* в ст. 5. При защите частными лицами и учреждениями своих прав такое положение понятно, но в отношениях между госучреждениями абсолютность и категоричность его вызывает большие сомнения. Почему ЭКОСО не может подать «искового заявления» или, применяя более выдержанную—поскольку речь идет об арбитражных комиссиях—терминологию—передать спорный вопрос между двумя госучреждениями на рассмотрение находящейся при нем арбитражной комиссии? Не только может, но обязано, если почему-либо соответствующее учреждение затягивает разрешение спорного вопроса и не обращается в арбитражную комиссию. И в таких случаях нет надобности, чтоб ЭКОСО и писало соответствующему учреждению подать исковое заявление в арбитражную комиссию,—достаточно заявления ЭКОСО, так как арбитражная комиссия находится при ЭКОСО.

Третий элемент состязательности—суд присуждает не больше того, о чем просят стороны—равным образом, в данном случае в деятельности арбитражных комиссий не может быть применен. Возьмем пример. Идет спор между каким-нибудь губернским отделом исполкома и трестом, оказав-

шимся неисправным поставщиком. Губотдел просит обязать трест вернуть задаток плюс разницу в курсе рубля. А арбитражная комиссия, принимая во внимание, что неисправность треста причинила губотделу серьезные убытки—постановляет либо о взыскании в пользу губотдела убытков, либо, наоборот, обязывает все же трест поставки совершить. Арбитражной комиссии нельзя оставаться в пределах заявляемых сторонами требований и для такого ригоризма нет никаких оснований.

И, наконец, право ЭКОСО переносить дело в Высшую Арбитражную Комиссию, помимо желания и воли спорящих и заинтересованных сторон—тоже не совсем вяжется «с началом состязательного процесса».

Очевидно, в ст. 8 речь идет о реформированных, смягченных началах состязательности, но вряд ли для этого стоило воскрешать мертвецов.

Область взаимоотношений арбитражных комиссий с теми органами, при которых они состоят (СТО и ЭКОСО) не обрисованы Положением в достаточной мере определено. Система обжалования и опротестования решений арбитражных комиссий довольно сложна (ст. 18—22). Так, например, ГубЭКОСО может обжаловать лишь невошедшие в законную силу решения арбитражной комиссии, приостанавливая же решения представлено ОбЭКОСО. Всякое решение арбитражной комиссии может быть, по предложению СТО, пересмотрено Высшей Арбитражной Комиссией. Это, правда, никаким сроком не ограничено. Равным образом, никаким сроком не ограничено право СТО изменять или передавать на вторичное рассмотрение решение Высшей Арбитражной Комиссии, если Высшая Арбитражная Комиссия действует в качестве второй инстанции. Как быть с решением Высшей Арбитражной Комиссии в качестве первой инстанции—об этом Положение ничего не

говорит. Не подлежит сомнению, что и эти решения могут быть изменяемы СТО и передаваемы на новое рассмотрение. Но каким образом дело доходит до СТО? Могут ли стороны подавать жалобы в порядке надзора? Если такую возможность допустить, можно с уверенностью сказать, что значительная часть дел, если не все, будет рассматриваться СТО. Но тогда зачем специальная арбитражная комиссия? Все эти и целый ряд других вопросов должны будут получить свое разрешение в тех правилах о производстве дел в арбитражных комиссиях, которые будут разработаны Высшей Арбитражной Комиссией и утверждены СТО.

В практической работе арбитражных комиссий те моменты, на которых я остановился, может быть, и не будут иметь большого значения. Все зависит от обстоятельств, никакого отношения к Положению не имеющих. Но то или иное построение арбитражных комиссий вплотную подводит нас, с одной стороны, к нерешенной еще проблеме о юридической природе наших трестов и госпредприятий. Практика арбитраж. ком. может сильно содействовать тенденциям к отрыву госпредприятий от руководящих госорганов, а затем дальнейшее развитие начал Положения и их практическое применение не может не отразиться на общих началах, на основах нашего гражданского процесса. Одно, во всяком случае, бесспорно. Арбитражные комиссии смогут выполнить возлагаемые на них задачи лишь при том условии, что они фактически будут органами СТО и ЭКОСО. Что они будут жить одной жизнью с теми органами, при которых они состоят. И тогда дальнейшее развитие, а отмеченные противоречия сами собою опадут.

С. Прущцкий.

Предварительное следствие по Угол.-Проц. Кодексу.

(Окончание *).

Роль обвиняемого на предварительном следствии и меры пресечения.

Что касается роли обвиняемого на предварительном следствии, то она, по Кодексу, как указывалось отчасти выше, определяется следующими чертами.

Обвиняемый имеет право просить о производстве следствия, он имеет право отвода следователя, ему должно быть предъявлено обвинение не позже 48 часов с момента привлечения его к следствию (ст. 131 Кодекса). Обвиняемый имеет право присутствовать при всех следственных действиях и задавать вопросы свидетелям и экспертам (ст. 117 Кодекса). Следователь, по своему усмотрению, может, впрочем, лишить его этого права. Обвиняемый имеет право требовать допроса свидетелей, вызова экспертов и приобщения к делу вещественных доказательств (ст. 114, 172 Кодекса). Обвиняемому, по его требованию, должно быть предъявлено все производство по законченному следствию (ст. 211 Кодекса). Все

эти права предоставляются обвиняемому только после формального постановления следователя о привлечении подозреваемого к делу в качестве обвиняемого.

В свою очередь, обвиняемый может быть подвергнут приводу в случае неявки по вызову или если он скрывается от следствия, или не имеет определенного места жительства или места постоянных занятий (ст. 134 Кодекса). Следователь принимает меры к розыску скрывшегося обвиняемого, представляя дело в случае нерозыска в суд на предмет его прекращения. Порядок розыска не установлен, но к числу мер розыска могут быть отнесены сообщение милиции и уголовному розыску, сообщение по месту приписки, выставление объявлений, публикация в газетах (ср. ст. 30 Инструкции). Каждый обвиняемый обязан дать следователю подписку о явке в суд и, сверх того, по отношению к нему может быть принята одна из установленных Кодексом мер пресечения уклонения от суда и следствия (ст. 146 Кодекса). Устанавливая, как общее правило, что меры пресечения могут быть приняты лишь после пред-

*) См. № 34 „Еж. Сов. Юст.“.

явления обвинения, Кодекс допускает применение таких мер в исключительных случаях и до предъявления обвинения. Обвинение должно быть в таких случаях предъявлено не позднее 14 дней со дня принятия меры пресечения, при несоблюдении этого срока мера пресечения отменяется (ст. 148 Кодекса). Вводимое этой последней ст. правило дает следователю широкий простор, который, однако, ограничивается надзором со стороны прокуратуры и суда.

Заключение под стражу в качестве меры пресечения может назначаться лишь по делам о преступных деяниях, за которые назначено лишение свободы (ст. 161 Кодекса). Эта мера пресечения недопустима, если по соответствующей статье Уголовного Кодекса назначены, например, только принудительные работы.

Кодекс различает два основания для принятия в качестве меры пресечения содержания под стражей,—это, с одной стороны, воспрепятствование обвиняемому возможности скрыться от суда и следствия и, с другой стороны, воспрепятствование возможности сокрытия истины. Во втором случае срок заключения не может быть более двух месяцев (ст. 162 Кодекса, ср. ст. 119 Кодекса). В исключительных случаях срок этот судом может быть продлен еще на один месяц. Заключение под стражу для воспрепятствования скрыться от следствия не ограничено никаким сроком. Эта мера может быть отменена по устранении обстоятельств, послуживших основанием для ее принятия. Кодекс особенно внимательно относится к вопросу о принятии этой меры пресечения, он требует, чтобы сверх обычного указания на основания для ее применения в постановлении было указано, какие именно обстоятельства побудили следователя к этому (ст. 161 Кодекса ср. ст. 150 Кодекса). Таким образом, следователь в рассматриваемых случаях не может ограничиться простой ссылкой на возможность обвиняемого уклониться от следствия или скрыть следы преступления, он должен указать на определенные факты, которые заставляют его прийти к такому выводу. О заключении под стражу в качестве меры пресечения обязательно извещается прокурор (ст. 163 Кодекса).

Помимо содержания под стражей, допустим также домашний арест (ст. 160 Кодекса). Предпочтение той или другой формы изоляции предоставляется усмотрению следователя. На домашний арест по самому характеру его должны распространяться правила о заключении под стражу, хотя Кодекс на это и не указывает.

К другим видам мер пресечения, предусмотренных Кодексом, относятся залог, поручительство и подписка о невыезде.

Залог должен быть в виде денег или вещей внесен следователю (ст. 156 Кодекса). Не имеет значения, кто именно вносит залог: сам ли обвиняемый, или кто-либо другой. Сумма залога определяется обстоятельствами, прямо указываемыми в Кодексе (ст. 157 Кодекса). На сумму залога не оказывает влияние размеры причиненного вреда и убытков (Инструкция стояла на противоположной точке зрения). Возможность взыскания убытков обеспечивается иным порядком (ст. 124 Кодекса). Различие между залогом, как мерой пресечения, и наложением ареста на имущество, как

средством обеспечения иска, состоит в том, что в первом случае обвиняемый до представления залога должен быть заключен под стражу, в то время как недостаточное обеспечение гражданского взыскания этих последствий не влечет.

Поручительство по Кодексу имеет две формы—имущественную и личную (п. 2 ст. 147 Кодекса). Отличие имущественного поручительства от залога состоит в том, что в первом случае суд ограничивается обязательством платежеспособного лица внести в суд определенную сумму на случай уклонения обвиняемого от явки в суд, при залоге же указанная сумма должна быть немедленно представлена следователю. Размер имущественного поручительства определяется тем же способом, как и сумма залога. Во всяком случае, сумма поручительства должна быть точно определена следователем в момент взятия подписки о принятии ответственности. Возникает вопрос о возможности для обвиняемого представить в виде обеспечения собственное свое имущество. Хотя прямого ответа в Кодексе мы не находим, но право обвиняемого представить залог самому не лишает его, конечно, возможности предложить вместо залога иное обеспечение.

Личное поручительство влечет за собой в случае неявки обвиняемого привлечение поручителя к ответственности (налагаемое наказание—принудительные работы или штраф до трехсот рублей золотом). Следователь должен направить дело о неисправном поручителе в народный суд, который налагает на него соответствующее наказание (ст. 154, 64, 66 Кодекса). Число поручителей не может быть менее двух (ст. 153 Кодекса). Поручителями могут быть лишь лица, заслуживающие доверия.

Личное поручительство должно носить характер обязательства доставить обвиняемого в суд, поэтому повестка о явке должна одновременно посылаться и обвиняемому, и поручителю. Такое правило в интересах обеспечения явки обвиняемого следовало бы распространить и на случай залога и имущественного поручительства.

Факт уклонения обвиняемого от следствия устанавливается следователем и по его же распоряжению в этом случае в доход Республики обращается внесенный залог или взыскивается сумма, в которой было принято имущественное поручительство (ст. 159 Кодекса). Жалобы на взыскание должны идти обычным путем обжалования неправильных действий следователя.

Наиболее легкой мерой пресечения является подписка о невыезде. Неисполнение такой подписки влечет за собой, помимо ответственности по ст. 223 Уголовного Кодекса, также и принятие по отношению к обвиняемому более строгой меры пресечения. Ответственность по ст. 223 Уголовного Кодекса возникает независимо от того, повлекла ли за собой отлучка какие-либо последствия по производству дела, в то время как принятие более строгой меры пресечения возможно, конечно, лишь в том случае, если обвиняемый не явился к следователю по вызову.

Требование какой-либо из мер пресечения предполагает по самому характеру такого требования задержание обвиняемого впредь до выполнения поставленных условий. Так, должен быть

заключен под стражу обвиняемый, отказывающийся дать подписку о невыезде, или обвиняемый, не представивший залога или поручительства.

Следователь, по собственному усмотрению, может принимать и изменять меру пресечения или отменять ее в течение всего хода процесса (ст. 164 Кодекса). Никакого утверждения принятой меры пресечения не требуется. Следователь сообщает прокурору лишь о случаях избрания в качестве меры пресечения содержания под стражей (ст. 163 Кодекса), но прокурор может предложить следователю принять, отменить или изменить любую меру пресечения. Следователь вправе не согласиться с таким распоряжением прокурора и тогда вопрос должен окончательно разрешиться судом (ст. 151 Кодекса). Жалобы на действия следователя по этому поводу разрешаются прокурором (ст. 216 Кодекса), а в случае несогласия с постановлением прокурора, как со стороны следователя, так и жалобщика, рассматриваются судом (ст. 224 Кодекса).

Таков по Кодексу порядок принятия мер пресечения на предварительном следствии. Сравнивая эти положения с правилами действовавшей до сего времени Инструкции, мы видим, что теперь вводится новый вид поручительства—поручительство имущественное (ср. ст. 28 Инструкции), далее, следователь не обязан представлять в суд о смягчении мер пресечения и делает это самостоятельным постановлением (ср. п. 2 ст. 35 Положения о Нарсуде), затем, строго устанавливается круг дел, по которым обвиняемый может быть заключен под стражу, выделяется заключение под стражу, как мера пресечения возможности сокрытия истины, и, наконец, совершенно устраняется смешение мер пресечения и обеспечения иска.

Потерпевший и его права на предварительном следствии.

Права потерпевшего на следствии, в общем, совпадают с правами обвиняемого: он имеет право просить о производстве следствия, ему предоставлено право отвода следователя, потерпевшему, далее, предоставляется право присутствовать при осмотрах, допросах и других следственных действиях и предлагать вопросы свидетелям, он имеет право требовать допроса свидетелей и экспертов и сбора других доказательств.

В случае предъявления гражданского иска следователь обязан сделать постановление о признании его или отказе в нем. Право предъявить гражданский иск имеет только потерпевший и притом независимо от того, возбуждено ли дело по его жалобе, или по другим основаниям (ст. 123 Кодекса). Следователь обязан разъяснить потерпевшему его право предъявить гражданский иск (ст. 122 Кодекса). Лицо, признанное следователем в качестве гражданского истца, имеет право просить об обеспечении своего иска, но эту меру следователь принять вправе и без просьбы истца и даже до предъявления гражданского иска (ст. 124 Кодекса). Признанный гражданским истцом потерпевший, кроме права обеспечения иска, никаких иных прав по сравнению с потерпевшим не приобретает. Обеспечение иска должно производиться общим порядком гражданских взысканий. Размер обеспечения определяется следователем.

Все эти права Кодекс представляет потерпевшему независимо от того, по какому поводу возбуждено дело, и в равной мере как по делам, возбуждаемым по частной жалобе, так и по другим категориям преступления.

Окончание предварительного следствия.

Заключительным моментом следствия является предъявление его обвиняемому. Следователь обязан известить обвиняемого об окончании следствия и спросить его, чем он желает дополнить следствие. Выполнение требования о дополнении следствия для следователя обязательно, если обстоятельства, указанные обвиняемыми, имеют значение для дела (ст. 211, 212 Кодекса).

Одним только допросом обвиняемого вместо предъявления следствия следователь ограничивается в том случае, если признает дело достаточно разъясненным дознанием (ст. 111, 213 Кодекса).

За предъявлением следствия или допросом обвиняемого (в случае, указанном выше) должно следовать составление обвинительного заключения. Его содержание достаточно точно определяется Кодексом (ст. 214 Кодекса). Обвинительное заключение должно обнимать собой лишь изложение сущности дела. Оно должно представлять собой, так сказать, систематический свод фактов и доказательств собранных против обвиняемого. В обвинительном заключении должны быть указаны все данные, могущие влиять на меру ответственности. Выводы следователя в обвинительном заключении должны быть строго обоснованы фактами.

Обвинительное заключение всегда направляется следователем прокурору (ст. 215 Кодекса). К обвинительному заключению должен быть приложен список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание. Составляя этот список, следователь должен руководствоваться необходимостью, с одной стороны, представить суду все наиболее существенные доказательства факта совершения преступления и, с другой стороны—избавить суд от излишних повторений.

Иной порядок определяет направление предварительного следствия, когда дело, по мнению следователя, подлежит прекращению. Подлежащее прекращению дело направляется следователем непосредственно в суд, причем следователь одновременно должен известить об этом прокурора (ст. 207 Кодекса).

Прекращение следствия может иметь место в случае смерти обвиняемого, за примирением и отсутствием жалобы потерпевшего по делам, возбуждаемым не иначе как по частной жалобе, за истечением давности, за отсутствием состава преступления, вследствие амнистии, при обнаружении виновного и при недостаточности улик, собранных против лица, привлеченного к делу в качестве обвиняемого (ст. 4, 206 Кодекса). О прекращении следствия следователем должно быть составлено мотивированное постановление.

От прекращения дела необходимо отличать приостановление следствия. Таковое по Кодексу может иметь место в случае нерозыска обвиняемого (ст. 136 Кодекса) и в случае временной душевной болезни его (ст. 200 Кодекса). Дело в этом случае также направляется следователем с его заключением в суд непосредственно.

Как прекращенное, так и приостановленное производство остается в суде, постановившем определение, и может быть возобновлено опять-таки постановлением суда, как по его усмотрению, так и по представлению следователя.

Как прокурор, так и суд имеют право направить поступившее к ним следственное производство к рассмотрению независимо от того, направлено ли это производство следователем для предания суду, прекращения дела или приостановления следствия.

Обжалование действий следователя.

Все заинтересованные лица могут приносить жалобы на действия следователя, нарушающие или стесняющие их права (ст. 216 Кодекса). При этом жалобщиками могут являться лишь те лица, коим эти права действительно предоставлены. Так, например, обжаловать отказ в вызове свидетеля может лишь потерпевший и обвиняемый, но не свидетель, жаловаться на непредъявление следствия может лишь обвиняемый и так далее. Жалобы на неправильные действия следователя направляются или в суд, или к прокурору*). Определение прокурора может быть обжаловано, в свою очередь, в суд, постановление которого и является для следователя окончательным. Жалобу вместе с своими объяснениями следователь препровождает прокурору или в суд в течение 24 часов с момента ее поступления.

Срок на подачу жалобы на следователя устанавливается семидневный, за исключением жалоб на меры пресечения, на медленность производства и незаконные действия следователя, которые не ограничены сроком. Равным образом, не установлено срока и на обжалование постановлений прокурора по этим вопросам (ст. 219, 224 Код.).

Протоколы и постановления следователя.

Следователь обязан вести протоколы всех своих следственных действий. Кодекс устанавливает содержание протоколов допроса, обысков, выемок, осмотров и освидетельствований. Эти протоколы, между прочим, должны заключать в себе постановления следователя по поводу ходатайств лиц, участвующих в деле. Протоколы обязательно подписываются следователем и в подлежащих

случаях понятыми и допрошенными лицами (ст. 81, 82, 141, 171, 176, 198 Кодекса). Протоколы осмотра, освидетельствований должны подробно излагать порядок действий следователя (ст. 195 Кодекса).

Постановления отдельно от протоколов должны составляться следователем в следующих случаях: 1) о начале производства следствия (ст. 112 Кодекса); 2) об отказе в ходатайстве о производстве следственных действий (ст. 116 Кодекса); 3) о признании потерпевшего гражданским истцом или отказе в таком признании (ст. 123 Кодекса); 4) о привлечении обвиняемого к делу (ст. 131 Кодекса); 5) о принятии мер пресечения (ст. 149, 164 Кодекса); 6) о производстве обысков, выемок, осмотров (ст. 178 Кодекса); 7) о прекращении предварительного следствия (ст. 207 Кодекса) и 8) о предании суду (обвинительное заключение).

К числу действий следователя, которые требуют особого постановления, могли бы быть также отнесены определения: 1) о неприятии дел к производству; 2) о передаче дела по подсудности; 3) о признании материала дознания полным (ст. 111 Кодекса); 4) о самоотводе следователя; 5) о приводе обвиняемого, свидетелей; 6) о принятии мер обеспечения иска; 7) о возврате вещественных доказательств; 8) о наложении установленным порядком взыскания за неявку или отказ от дачи показания; 9) о выдаче денежных сумм свидетелям, экспертам; 10) о конфискации залога или обращении взыскания на имущество поручителя; 11) о возбуждении преследования против неистового личного поручителя; 12) об окончании следствия и о предъявлении его; 13) о приостановлении дела; 14) об отказе заинтересованным лицам в удовлетворении их ходатайств.

Как показывает все изложенное, постановления Кодекса о предварительном следствии являются достаточно полными для того, чтобы точно регулировать дальнейшую работу следственных органов. Статьи Кодекса не только заменили собой Инструкцию народным следователям, но и создали ряд новых, руководящих положений. Пополнить возможные пробелы—дело дальнейшей судебной практики.

М. Коваленков.

Постановка судебно-медицинской экспертизы в связи с введением Уголовно-Процессуального Кодекса.

Уголовно-Процессуальный Кодекс в своих статьях, относящихся к судебно-медицинской экспертизе, внес значительные изменения в действовавшие до сего времени правила о ней, установленные в «Положении о судебно-медицинских экспертах» (Собр. Узак. 1921 года, № 75, ст. 616).

Названное «Положение», построенное в сторону широкой самостоятельности врачей-экспертов,

присваивало им исключительные по своей важности полномочия как на предварительном, так и на судебном следствиях. Врач-эксперт конкурировал в первом случае со следователем, доминируя подчас над ним и сводя роль последнего к роли понятого, оставив ему одно лишь неотъемлемое право—вызова самого эксперта. На судебном же заседании врач-эксперт по «Положению» пользовался такими прерогативами, которые, в сущности говоря, совершенно извращали правильную постановку дела экспертизы на суде. Эта роль врача-эксперта по «Положению» совершенно правильно была охарактеризована д-ром Лейбовичем

*) См. подробнее по этому поводу ст. М. Коваленкова «К вопросу о роли прокуратуры на предварительном следствии и в стадии предания суду». («Еж. Сов. Юст.» № 29—30 1922 г.).

в его статье «Три года судебной медицины», помещенной в № 7 «Еженедельника Советской Юстиции», в следующих выражениях: «Государственный медицинский эксперт делается необходимым членом нормального судебно-медицинского процесса во всех его стадиях. Из сведующего свидетеля он становится «судьею».

Действительно, согласно 5 ст. этого «Положения», судебно-медицинский эксперт в области своей научно-практической деятельности, т.-е. экспертизы, являлся «самостоятельным работником, заключения которого, при соблюдении предписанных законом условий, получают обязательную силу и значение для частных лиц и учреждений различных ведомств», т.-е., следовательно, и для судебных органов—следователя и суда. Под «соблюдением предписанных законом условий» необходимо, конечно, разумеать лишь соблюдение формальных условий, указанных законом для производства экспертизы, и, таким образом, всякое заключение врача, удовлетворяющее этим формальным условиям, являлось обязательным. Правда, для «судебно-следственных властей» (под которым термином, вероятно, надо было разумеать как суд, так и следователя) примечание к этой же 5 ст. устанавливало своеобразное «опротестование» произведенных экспертиз последовательно в подотделах медицинской экспертизы при губернских отделах здравоохранения, а затем и в отдел медицинской экспертизы Наркомздрава, постановление которого являлось уже окончательным. Следовательно, врач-эксперт перестал быть лишь сведующим свидетелем, приглашаемым для помощи суду и следователю в уразумении ими того или другого обстоятельства в деле, когда необходимы специальные познания в науке, искусстве или ремесле,—нет, он, действительно, превратился, согласно «Положения», в судью, решения которого обязательны, в жреца, обладающего судебно-медицинской тайной, изречения которого непререкаемы и имеют безусловное значение. Если же следователь, тем не менее, усомнился в таковой непререкаемости, то к его услугам представлялся лишь громоздкий аппарат «опротестования» по судебно-медицинским инстанциям. К чему же сводилась, в таком случае, роль следователя? К роли наблюдателя, понятого, лишь констатирующего выводы эксперта, лишенного, в конечном итоге, даже права критики, раз постановление отдела Наркомздрава для него являлось окончательным. Такое положение дела для следователя, ведущего следствие к конечному результату, основанному на добытых им материалах и всесторонней их оценке, для чего, собственно, и призываются им на помощь разного рода специалисты, в том числе и врачи, представляется, конечно, совершенно неприемлемым. В следственном деле должна быть одна голова, одна рука, и всякая конкуренция в этом отношении разрушает столь необходимое единство разума и воли, которое одно лишь обеспечивает успех следствию.

Установив, как это мы видели выше, непререкаемость судебно-медицинской экспертизы, вообще, «Положение» давало, к тому же, исключительные правомочия эксперту как во время предварительного, так и судебного следствия. При сечении первое к ст. 7 давало эксперту право

во время следствия «требовать для обозрения все относящиеся к данному случаю документы, переписку и вещественные доказательства; производить осмотры местностей и помещений, опрашивать потерпевших, свидетелей, обвиняемых и сведующих лиц и принимать другие меры для выяснения тех обстоятельств, которые имеют существенное значение для выполнения экспертизы». Следовательно, эксперт вправе вести свое отдельное производство параллельно со следователем, производить все те действия, которые характеризуют следовательскую работу, не руководясь указаниями последнего, а единственно лишь учитывая существенность исследуемых им обстоятельств для экспертизы. Принимая же во внимание, что эксперт, согласно «Положения», является в своей области «самостоятельным работником», «научным судьей фактов», легко себе представить такое положение, когда он совершенно выйдет из рамок, предначертанных ему следователем, и сам, в свою очередь, увлекшись своей ролью, превратится в следователя, облеченного при том и по закону почти всеми атрибутами следовательской власти. Заметьте, что для этого и не требуется санкции следователя—врач-эксперт вправе производить все эти действия самостоятельно, вправе «требовать» от следователя выполнения того или другого действия.

Еще более необычную картину представляли полномочия эксперта к моменту заключения следователем предварительного следствия. Медицинский эксперт, согласно ст. 8 «Положения», имел право истребовать весь следственный материал в целях пополнения или изменения ранее данной экспертизы и даже для «необходимого, с судебно-медицинской точки, исследования» его. Таким образом, здесь эксперт из «научного судьи фактов» превращался уже в судью действий следователя, присваивая себе даже прокурорские функции и обязанности суда, ибо право направлять следствие для дополнения должно принадлежать в подлежащих случаях, лишь прокуратуре и суду, а никак не эксперту, хотя бы и медицинскому. Превращая следователя в пассивного зрителя, «Положение», тем самым, передает в руки врача как весь ход следствия, так и заключение производства по всем делам, где необходимо участие врача-эксперта. Насколько это бесполезно с точки зрения единства руководства всем следственным процессом, ясно и без комментариев.

Будучи приглашен в зал судебного заседания, эксперт и тут пользуется прерогативами, совершенно извращающими единственно подобающую ему роль быть подсобным органом суда. Не касаясь мелочей, устанавливаемых примечанием 2 к ст. 8, остановимся на ст. 9 «Положения». Эта статья предоставляет эксперту право, **«в порядке возобновления судебного следствия»** (курсив наш), после прений сторон дать все находимые экспертом нужными дополнения и объяснения к ранее высказанному им заключению». Следовательно, эксперту предоставляется право разрывать процесс, возвращать его на уже пройденные ступени и затягивать его до безконечности, так как после его дополнений и объяснений вновь нужно дать слово сторонам, после чего могут последовать новые дополнения эксперта и т. д.

Крайне неясно в «Положении» очерчено также право эксперта отказаться от заключения—именно, по ст. 10 он может это сделать, «когда дело представляется недостаточно **ясным** или где, в зависимости от позднего производства экспертизы, могли уничтожиться или стать неясными существенные фактические данные», а по примечанию 2 к ст. 11 он имеет также право отказаться от ответов на вопросы, «выходящие из пределов рассматриваемого случая, и ограничиться лишь пределами научного его рассмотрения». Ведь, эксперт и приглашается для освещения «неясного» и, кроме того, все эти условия значительно суживают границы экспертизы и случаи возможного ее применения, давая возможность эксперту, в ущерб широте постановки следователем вопроса об экспертизе, ограничиваться лишь самым необходимым с точки зрения самого эксперта.

Наконец, самые серьезные возражения вызывает и примечание к ст. 16, по коему эксперту предоставляется право в случаях, не терпящих отлагательства, при отсутствии судебно-следственных властей, самому производить освидетельствование живых лиц и исследование трупов в присутствии лишь двух свидетелей (понятых) и представителя местной администрации. Если, зачастую, для успеха следствия крайне необходимо, чтобы никто не прикасался к трупу до прибытия следователя или, по крайней мере, представителя органов дознания—легко себе представить к каким нежелательным результатам, с точки зрения раскрытия истины, может привести иногда неуместное рвение эксперта, опирающегося на указанное примечание.

В цитированной уже нами статье д-р Лейбович, привествуя разбираемое «Положение», говорит: «Все в интересах правосудия». Нет, нам представляется, как это мы уже видели выше, что не все из этого положения выгодно правосудию, и невольно напрашивается вопрос—а не является ли это «Положение» лишь невольной реакцией на приниженное положение судебно-медицинских экспертов в старом процессуальном праве, о каком-то говорится в первой половине указанной ст. д-ра Лейбовича? Исправляя недочеты старых законоположений об экспертах, не выплеснули ли, по немецкой поговорке, вместе с ванной и ребенка? Нам кажется, да—в жертву экспертам и их достоинству принесли следователя и единство его действий, распылили следственный аппарат, низвели следователя и суд до роли пассивных наблюдателей действий эксперта, сообщив последним почти непререкаемый авторитет... Все это в чьих угодно интересах, но только не правосудия...

Означенное «Положение», будучи постановлением Наркомздрава и Наркомюста, конечно, могло лишь развивать и дополнять существующие по этому предмету законоположения, отнюдь не заменяя и не отменяя их. Между тем, сообщая заключениям судебно-медицинских экспертов силу формальных доказательств (см. ст. 5 «Положения»), оно противоречило, при буквальном его применении, ясно выраженному в ст. 24 Положения о Народном Суде (декрет ВЦИК'а от 21/X—1920 г.) принципу о том, что Суд не ограничен никакими формальными доказательствами и от него зависит, по обстоятельствам дела, допустить те или

иные доказательства или потребовать их от третьих лиц, для коих такое требование обязательно. Статьи 10 и 11 «Положения об экспертах», точно так же, как и ст. 5, шли вразрез вышеуказанному основному принципу процесса.

О разногласиях «Положения о судебно-медицинских экспертах» с Инструкцией народным следователям по производству предварительных следствий, изданной Наркомюстом в октябре 1920 года, говорить не будем, так как одна инструкция может, конечно, заменить другую, также изданную, в соответствующих частях.

Обратимся теперь к Уголовно-Процессуальному Кодексу. Статей, касающихся специально судебно-медицинской экспертизы, содержится в нем немного, но и из того, что имеется, можно до некоторой степени выяснить точку зрения на этот предмет составителей Кодекса.

Повторяя в ст. 61, в главе «О доказательствах», основное положение, высказанное уже в ст. 24 «Положения о Народном Суде», о неограничении суда никакими формальными доказательствами и рассматривая экспертизу лишь как одно из доказательств, подлежащих свободной критике следователя и суда, Кодекс, тем самым, определяет настоящее место эксперта, в частности, судебно-медицинского, в судебном и следственном производствах. Врач-эксперт уже не научный «судья» фактов, не самостоятельный работник, конкурирующий с судом, с следователем, а только лишь «сведующий свидетель», вызываемый, согласно 67 ст. Кодекса, в тех случаях, когда при расследовании или при рассмотрении дела необходимы специальные познания в науке, искусстве и ремесле, одним словом, эксперт есть технический помощник следователя и суда в деле исследования доказательств. Как таковой, он, конечно, не может претендовать больше на ту исключительную, почти самостоятельную роль, которую отводило ему «Положение о судебно-медицинских экспертах». Ни о каких допросах свидетелей и других лиц, ни о каком требовании дополнения следствия и т. п. теперь не может быть и речи.

Уголовно-Процессуальный Кодекс признает обязательность вызова судебно-медицинского эксперта для установления причин смерти и характера телесных повреждений, а также для определения психического состояния обвиняемого и свидетелей в подлежащих случаях, при чем при отказе без указанных оснований от исполнения своих обязанностей к экспертам применяются такие же меры, что и в отношении свидетелей. Таким образом, расплывчатые формулы ст.ст. 10 и 11 «Положения о судебно-медицинских экспертах», определяющие право экспертов отказываться от дачи заключений, заменены теперь более ясными указаниями, ставя, что самое главное, этот вопрос в зависимость не от тех или других личных взглядов эксперта на «законные основания» к отказу, а перенеся его разрешение на следователя, который один лишь, руководствуясь наличностью или отсутствием в отказе эксперта «законных оснований» к этому, может или согласиться с ним, или же применить к нему ту же меру, как и в отношении свидетелей, не исполняющих свой долг (ст. 67 Уголовно-Процессуального Кодекса).

Каковы же, в деталях, права и обязанности судебно-медицинского эксперта на следствии и суде теперь, с введением в жизнь Уголовно-Процессуального Кодекса? Статья 172 Кодекса указывает, что при вызове экспертов число их определяется следователем. Таким образом, отпадает действие ст. 13 «Положения о судебно-медицинской экспертизе», предоставлявшей эксперту право требовать, в известных случаях, приглашения дополнительных экспертов. Конечно, эксперт и теперь может, в виду тех или других затруднений, встреченных им при экспертизе, просить следователя о вызове дополнительных экспертов, но требовать он уже не может и от дискреционной власти следователя зависит удовлетворить его ходатайство или отклонить?

Засим, в силу 174 ст. Кодекса, следователь излагает эксперту те пункты, по которым должно быть дано заключение, и эксперт имеет право с **разрешения следователя** знакомиться с теми обстоятельствами дела, изменение которых необходимо ему для заключения. Как далеко это от тех прав, которые давала эксперту ст. 7 «Положения», по каковой он, без всякого разрешения следователя, мог вмешиваться в следствие, производить самолично опросы, осмотры и принимать всякие «другие меры». Теперь следователю возвращена его истинная роль в следствии—распорядителя всем следственным материалом, собранными доказательствами и действиями всех лиц, в той или другой мере помогающих следствию. Ст. 174 Кодекса в корне уничтожила всякую конкуренцию со следователем со стороны приглашенного им уже эксперта, точно определив обязанность последнего—дать заключение по изложенным следователем пунктам.

Кроме того, экспертиза потеряла для следователя, как это и должно быть, свое непрерываемое значение. Ст. 177 Кодекса определенно устанавливает право следователя, в случае признания им экспертизы недостаточно ясной или неполной, самому назначить производство новой экспертизы. Тем самым устраняется действие ст. 5 «Положения» и сложная процедура «опротестования» заключений экспертов с принятием, в последнем итоге, окончательного заключения Наркомздрава. Точно такое же положение устанавливается Кодексом и в ст. 201 относительно повторной экспертизы психического состояния обвиняемого.

Из других статей Кодекса, определяющих экспертизу на предварительном следствии, отметим ст. 198, согласно которой протоколы вскрытия и медицинского освидетельствования составляются врачом и подписываются следователем, при чем как следователь, так и понятые имеют право заявлять свое мнение о тех действиях врача, которые покажутся им сомнительными, с занесением этих мнений в протокол. Это положение закона вполне целесообразно—действительно, как освидетельствование, так и вскрытие требует столько специальных познаний и усвоения научных терминов, что только специалист может удовлетворительно составить протокол об этих действиях, права же следователя вполне ограждаются предоставленной ему возможностью делать замечания

и высказывать свое мнение. К этому нужно добавить, что протокол осмотра трупа должен составляться самим следователем, как это явствует из сопоставления ст.ст. 196 и 198 Кодекса.

Не будем останавливаться на ст.ст. 199—202 Кодекса, касающихся определения психического состояния обвиняемого—эти статьи точно также передают всю инициативу, а также решающую роль в деле экспертизы, в руки следователя.

Относительно медицинской экспертизы на суде необходимо отметить, что эксперты остаются в зале заседания за исключением тех случаев, когда суд признает необходимым их удаление. Допрос их производится тем же порядком, как и на предварительном следствии, при чем заключение эксперта, после устного изложения, должно быть облечено в письменную форму и приобщено к делу. Опять-таки и суд, как и следователь, не связан теперь данной экспертизой, а может по своему усмотрению назначить производство новой (ст. 304 Кодекса).

Ни о каком возобновлении судебного следствия после прений сторон, в случае заявления о том эксперта, как это мы видели при рассмотрении ст. 9 «Положения о судебно-медицинской экспертизе», в Уголовно-Процессуальном Кодексе и не упоминается.

Из приведенного сопоставления «Положения о судебно-медицинской экспертизе» с Уголовно-Процессуальным Кодексом мы видим, что последний значительно расходится с «Положением» в оценке роли медицинского эксперта на суде и следствии. В то время как «Положение» придало эксперту-врачу почти самостоятельное значение, порождающее двойственность в производстве следствия, и связанность как следователя, так и суда в деле свободной критики даваемого экспертами заключения, Уголовно-Процессуальный Кодекс вернулся к правильному взгляду на эксперта как на следствии, так и на суде, признавая его лишь «сведующим свидетелем», но не «судьей», хотя бы и научных фактов.

«Все через следователя»—должны мы сказать в защиту единства действий органов правосудия во всех стадиях процесса—и пусть не шокируют д-ра Лейбовича выражения вроде «вскрытие трупа следователем через врача». Это выражение фигуральное и оно должно символизировать лишь, что в интересах правосудия, правильно понятых, дело исследования материальной истины должно быть сосредоточено исключительно в одних руках.

В заключение нужно добавить, что необходимо в возможно скором времени издать новое положение о судебно-медицинской экспертизе, строго согласованное с Уголовно-Процессуальным Кодексом и с теми его началами, которые проводятся им в деле экспертизы. В противном случае, несмотря на несомненность отмены «Положения» в соответствующих частях Уголовно-Процессуальным Кодексом, на практике возможны коллизии и взаимное непонимание между органами, служащими одному и тому же делу—правосудию, а именно, между следователем и судом, с одной стороны, и судебно-медицинским экспертом—с другой.

В. Лучанинов.

Об административных приказах.

На местах, в практике губернских отделов управлений, самих губисполкомов и, вообще, административных властей, до сих пор нет ясного представления о пределах прав административных учреждений. С одной стороны, в понятие о власти на местах местные власти вкладывают слишком широкое толкование, толкуя это понятие не в смысле строгого исполнения революционного закона и возбуждения вопросов, возникающих из столкновения фактов жизни с декретами, из несоответствия законодательной нормы условиям местной жизни, а прямо не исполняя, часто отрицая в своей деятельности нормы декретов. Такое отрицание еще может быть понято, если декрет затрагивает самую сущность местной жизни, существенно противоречит условиям этой жизни—местная власть, естественно, ближе знакома с местной жизнью,—но и в этом случае местной власти надлежит, в целях единства и твердости общегосударственной власти, обращаться за разрешением вопросов к всероссийским съездам и к центру. С другой стороны, замечается такое явление. На местных съездах представителей различных отраслей управления, а тем более на всероссийских, поднимаются и часто решаются вопросы порядка управления несоответственно действующим декретам. Возвратившись на места, участники этих съездов начинают применять постановления съездов, решительно забывая о действующих неотмененных декретах и постановлениях ВЦИК и СНК и не ставя пред собой вопроса о силе постановлений этих съездов по отношению к декретам и постановлениям СНК и ВЦИК.

Между тем, вопрос этот требует разрешения и, несомненно, в сторону сохранения полной силы постановлений и декретов ВЦИК и СНК, хотя бы на съезде и были приняты постановления, не соответствующие декретам.

Прежде всего, необходимо помнить, что только та власть, которая издает законодательные нормы, вправе их изменять и отменять, т.-е. ВЦИК и СНК, обязанные подчиняться и проводить в жизнь резолюции Всероссийского Съезда Советов, как выразителя воли всей массы рабочих и крестьян. Это положение так ясно, что не требует никаких доказательств. Очевидно для всех, что наруше-

ние этого положения влечет за собой неустойчивость установившегося революционного порядка и закона, грозит Республике анархией, вытекающей из нарушения, может-быть, по весьма уважительным причинам, общего направления декретного законодательства, но все-таки анархией, могущей подорвать самое здоровье, самое существование Республики. Далее—постановления местных съездов или и всероссийских, но работников одной, отдельной отрасли труда, как таковые, могут иметь большое местное или частное значение сами по себе. Но эти постановления, не связанные с общим направлением деятельности руководящего центра, удовлетворяя, повидимому, интересам местной жизни, могут, и гораздо серьезнее, нарушить те же интересы или, что еще опаснее, интересы всей Республики, благодаря узости местных взглядов и интересов, благодаря отсутствию сознания необходимости всякое свое постановление связывать и с общей жизнью страны, и с общим строем и направлением деятельности центральных органов. Несмотря на декреты о порядке административных взысканий, о порядке издания обязательных постановлений, мы нередко встречаем объявления—«Приказы» органов местной власти, по преимуществу, заведующих губмилицией,—приказов, относящихся до всех граждан, а не только подчиненных лиц и властей, для которых, собственно, только и обязательны распоряжения и приказы их начальства, с угрозой штрафа и даже ареста административной властью, приказы, не основанные на законодательных нормах. Такое, несомненно, ненормальное явление пора изжить. Пора административной власти усвоить себе то положение, что начало целесообразности, лежащее в основе административной власти, не может грубо нарушать начала законности, потому что незаконное, произвольное распоряжение, хотя бы, казалось, и очень целесообразное в данном случае, нарушает высшую целесообразность—защиты и охраны твердого революционного порядка и законности, определяемого центральными органами власти в согласии и в направлении с общей волей крестьян и рабочих, выраженной на Всероссийских Съездах Советов.

У.

Еще к вопросу о потравах.

В № 10 и 23 «Еженедельника», помещены статьи т.т. Козлова и Афанасьева «Об ответственности за потравы». Вопрос этот, действительно, требует разрешения центра, так как из статей указанных товарищей видно, что всякие директивы на сей счет на местах отсутствуют, в силу чего и аналогичные дела рассматриваются нар-судами различно.

По Смоленской губернии, например, существует обязательное постановление губисполкома о борьбе с потравами, согласно коего все дела о потравах разрешаются подлежащими воисполко-

мами, а постановления последних приводятся в исполнение административным порядком.

Тем же обязательным постановлением предоставляется право недовольной стороне, обжаловать постановление воисполкома в народный суд.

Помимо того, обязательное постановление предусматривает меру воздействия в виде натурального штрафа в пользу государства. На местах это обязательное постановление проводится неумело: дела о потравах рассмотрением слишком затягиваются и тем самым нарушается принцип скорейшей борьбы с этим влом. Наибольшим недо-

ущ-
ную
роль
пра-
чем

статком является то, что нарсуды в связи с сокращением участков перегружены делами (в Гжатском уезде, например, есть неразрешенных дел от 400 до 1.000 в участке), территория участка до 40 верст в радиусе и более, а следовательно, крестьянину очень обременительно являться в суд с жалобой о потраве и ждать ее разрешения. Вот почему для скорейшего разрешения дел о потравах центр должен дать руководящие начала местам, предоставив право последним приводить в исполнение свои постановления в административном порядке.

В интересах государства и крестьян борьбы с потравами должна быть решительной и идти, по моему мнению, на всей территории РСФСР должны быть проведены одинаковые мероприятия, или по местным бытовым условиям, предоставить право губисполкомам вырабатывать ежегодно таксы, устанавливающие плату за потравы.

Мероприятия в борьбе с потравами, на мой взгляд, должны свестись к следующему:

1. На всех луговых, сенокосных и посевных угодиях, в чьем бы ведении и использовании они ни находились, пастьба скота должна быть строго воспрещена.

2. Изгороди, как предупреждающие потравы угодий скотом, обязаны возводить владельцы скота.

3. Убытки, причиняемые потравой, возлагаются на хозяев скота по таксе или оценке. Наемный пастух отвечает за убытки только тогда, когда на сей счет существуют условия найма.

4. Хозяева указанных в пункте 1-м угодий, имеют право задерживать скот, травящий угодия, и по окончательном освидетельствовании потравы (но не более 24 часов со времени задержания) передавать его владельцам.

Примечание 1. Потерпевший для освидетельствования потравы должен пригласить на место райсельпредседателя или члена сельсовета и владельца скота.

Райсельпредседатель или член сельсовета, в присутствии сторон и 4 понятых (2 со стороны потерпевшего и 2 со стороны владельцев скота), обязан составить акт, установить породу и количество скота, а также причиненные потравой убытки и передать таковой потерпевшему для предъявления в народном суде иска о возмещении убытков, а копию направить для наложения на виновного взыскания в административном порядке.

Примечание 2. Потерпевшему предоставить право отыскивать убытки или по таксе (если таковая существует), или по оценке.

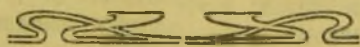
5. Нарсуд, по получении акта от потерпевшего, обязан в 3-х дневный или не более 7-ми дневного срока, рассмотреть таковой по существу (с вызовом сторон, а при сомнительных случаях и понятых), вынести свое постановление и подвергнуть его предварительному исполнению мерами милиции.

6. При повторности потравы владельцы скота (если отсутствует условие об ответственности за потравы пастуха) или пастух, при наличии условия, помимо взыскания убытков, подвергаются уголовной ответственности, как за самовольную пастьбу скота, через нарсуд, для каковой цели волисполком передает нарсуду материал с приложением справок, когда была совершена первая потрава и результаты постановления по ней.

7. Нарсуду, должно быть предоставлено право виновных подвергать штрафу до 100 рублей золотом или конфискации части имущества, или тем и другим, обращая половину штрафа и конфискованного имущества в доход Республики, а половину в пользу потерпевшей в деле стороны.

Вот те краткие мероприятия по борьбе с потравами, которые, на мой взгляд, с корнем уничтожили бы причиняемое потравами зло.

А. Чернов.

Обзор советского законодательства

за время с 27 августа по 6 сентября 1922 года.

Согласно постановления IX Всероссийского Съезда Советов (Собр. Уз. 1922 г., № 4, ст. 44), изменившего п. 26 Конституции РСФСР, Всероссийские Съезды созываются ВЦИК один раз в год. Приближению срока созыва очередного X съезда повлекло за собою издание:

1) **Постановления Президиума ВЦИК от 14 августа («Изв. ВЦИК» от 2 сентября, № 196)**, по которому производство перевыборов местных советов и выборов на местные съезды советов, а также на X Всероссийский Съезд должно быть начато 15 октября, в окраинных же губерниях с 1-го сентября.

Так как съезды советов являются по конструкции высшей властью в Республике советов, то и самый порядок выборов на них требует определенной законодательной нормировки и централизованного регулирования. Этими соображениями вызвано издание:

2) **Инструкции о перевыборах городских и сельских советов и о созыве волостных, уездных и губернских съездов от 31 августа («Изв. ВЦИК» от 2 сентября, № 196).** Обра-

зуются губернские, уездные, волостные и сельские избирательные комиссии. В состав губернской комиссии входят два представителя от губисполкома и один от губпрофсовета. Состав остальных комиссий образуется из председателя, назначаемого вышестоящей комиссией, одного члена от подлежащего исполкома и одного от местного профессионального объединения. Сельская комиссия помимо председателя, назначаемого указанным порядком, состоит из двух представителей сельсовета. Одной из важнейших функций избирательных комиссий является проверка и опубликование списков лиц, лишенных избирательного права. Списки составляются применительно к ст. 65 Конституции. На избирательные же комиссии возлагается созыв избирательных собраний, о которых население извещается за 48 часов. Самые собрания происходят в городах по принципу производственных или профессиональных единиц (предприятия, учреждения, профсоюзы). Техника выборов устанавливается губернской комиссией. Жалобы на включение в списки лишенных избирательных прав приносятся в трехднев-

ный со дня их опубликования срок в вышестоящую комиссию. В такой же трехдневный срок могут быть приносимы жалобы на производство выборов. Инструкция содержит также некоторые постановления о порядке созыва местных съездов, дополняющие соответственные постановления Всероссийских съездов «О советском строительстве».

Законодательство государственно-правового характера за обозреваемый период обогатилось весьма важным

3) **Постановлением ВЦИК и СНК о порядке и сроках опротестования постановлений МСНК, СНК и СТО от 31 августа («Изв. ВЦИК» от 3 сентября, № 197).** Протесты на постановления МСНК и СТО рассматриваются в большом СНК, а на постановления БСНК в Президиуме ВЦИК. Постановления последнего окончательны. Их может отменить или изменять очередная сессия ВЦИК. Право опротестования предоставлено народным комиссариатам, членам СТО и руководителям учреждений, имеющих право совещательного голоса в СНК и СТО, а в отношении постановлений МСНК — также его председателю. Срок для опротестования установлен семидневный.

Видное место в текущем законодательстве заняли вопросы труда.

4) **Постановление СНК от 23 августа о коллективных договорах («Изв. ВЦИК» от 30 августа, № 193).** Коллективный договор определяется, как «добровольное соглашение профсоюзов с работодателями, коим определяется содержание будущих личных договоров найма». Защита интересов занятых в производстве лиц распространяется и на несостоящих членами союза. Заслуживают упоминания вносимое постановлением изменение в Положение о примирительных камерах, согласно которому передача спора, не разрешенного в примирительной камере, на разрешение третейского суда может происходить, в случае отсутствия соглашения о том сторон, по постановлению органов Наркомтруда. Наконец, рассматриваемым постановлением разрешен вопрос о преемстве в обязанностях предпринимателя или иного работодателя по коллективному договору: новый состав правления, новый владелец предприятия равно обязаны по договору до окончания срока его действия.

5) **Постановление СНК от 24 августа о расчетных книжках («Изв. ВЦИК» от 5 сентября, № 198).** Расчетная книжка — договор между нанявшимся и панимателем; ею снабжаются все рабочие и служащие предприятий и учреждений. Срок для выдачи 3-х дневный со дня приема на работу, но невыдача не может служить основанием для непризнания существования договора найма между сторонами.

6) **Постановление Президиума ВЦИК от 26 августа о порядке содержания фабзавкомов, месткомов и заменяющего их делегатского института («Изв. ВЦИК» от 27 августа, № 192).** Эти первичные союзные органы, тесно связанные с предприятиями и учреждениями, содержатся за их счет. Установлен минимум суммы, выдаваемой на содержание согласно сметам, составленным профсоюзами: от 2 до 1½% заработной платы, выдаваемой по данному предприятию или учреждению. Установлена обязанность предприятия и учреждения предоставлять местным органам союзов также оборудованное помещение с отоплением и освещением.

7) **Постановление СНК об обязанности государственных, общественных и частных учреждений, предприятий и хозяйств иметь постановления и правила, регулирующие труд, от 11 августа («Изв. ВЦИК» от 30 августа, № 193).** Имеет целью облегчить трудящимся возможность ознакомления с действующим трудовым правом и установить действительный контроль за выполнением панимателями законоположений о труде.

8) **Постановление ВЦИК и СНК от 31 августа («Изв. ВЦИК» от 2 сентября, № 196).** Должно сыграть большую роль в укреплении социального страхования трудящихся. Большинство государственных предприятий и учреждений не могли до сих пор, из-за незначительности бюджетных ассигнований, сделать следуемые с них страховые взносы: образовалась большая задолженность. Постановление, принимая во внимание это обстоятельство, с одной стороны, понижает на текущий бюджетный квартал средний процент страховых взносов до 10% для всех предприятий и учреждений, финансируемых по государственному бюджету, а с другой, отпускает в счет образовавшейся задолженности непосредственно в распоряжение Наркомсбоза один миллиард рублей.

Еще в августе 1921 г. с установлением новой экономической политики и вытекающим из нее постепенным переходом от системы натурального обложения к системе денежной начался процесс разделения общегосударственного и местного бюджета изданием декрета СНК «О местных денежных средствах» (Собр. Уз. 1921 г., № 62, ст. 446), предоставившего местам право надбавок к существующим общегосударственным прямым налогам и отчислений с них для удовлетворения местных потребностей. Как перечень тех налогов, к которым возможны надбавки в пользу мест, и налогов исключительно местного характера, так и перечень потребностей, признаваемых местными и подлежащих удовлетворению из местных же средств, были опубликованы в декрете ВЦИК и СНК от 9 декабря 1921 г. «О местных денежных средствах» (Собр. Уз. 1921 г., № 80, ст. 693). Вместе с тем было установлено, что иные налоги могут быть вводимы исключительно с разрешения НКФ и НКВД. Однако, резкое разделение, начиная с 1922 года, между общегосударственным и местным бюджетом и жесткий принцип удовлетворения местных потребностей из местных же доходов заставляли часто места отступать от указанных перечней и вводить новые налоги и сборы, не предусмотренные действующими узаконениями. В виду этого, а также вследствие выявившихся новых объектов обложения,

9) **Постановлением ВЦИК и СНК от 31 августа («Изв. ВЦИК» от 1 сентября, № 195) об изменении перечня местных налогов и сборов** вводится новый перечень, значительно дополненный и измененный. Приведем важнейшие изменения. Налог со строений взимается не только с владельцев и пользующихся ими частных лиц и объединений, но и с правительственных учреждений и предприятий. Изменены в сторону повышения ставки большинства других налогов. Помимо 100%-ой надбавки к общегосударственным сборам за засвидетельствование договоров в нотариальных учреждениях и копий и подписей в народных судах, введена такая же надбавка к судебной пошлине. Введены новые налоги с биржевых сделок, с актов об отчуждении строений, права, застройки, с лиц, пользующихся наемным трудом, с аукционных продаж движимого имущества, с плакатов, афиш и световых реклам и подтвержден уже введенный ранее налог со зрелищ и увеселений. Налог за право охоты взимается и в городских поселениях. Большинство перечисленных налогов взимается и вне городских поселений. Подтвержден денежный подворный налог и введен налог с фабрично-заводских, торговых, промышленных и дачных помещений и налог с отпускаемой древесины на корню.

Увеличение местных доходов дало возможность изменить и

10) **Перечень расходов, подлежащих отнесению на местные денежные средства** согласно постановлению ВЦИК и СНК от 31 августа («Изв. ВЦИК» от 5 сентября, № 198).

Включены расходы по содержанию обще-административного аппарата, включая и ЭКОСО, расходы по социальному воспитанию: организация, оборудование и содержание учебных заведений, театров, музеев и т. п.; расходы на лечебные заведения (за исключением обслуживающих места лишения свободы, железные дороги и некоторых других); ряд расходов по транспорту местного значения, по содержанию местных органов ВСНХ, расходы по содержанию инвалидов учреждений и других организаций собеза. По НКЮ на местные средства переданы расходы по содержанию народных судов и исправительных заведений, за исключением содержания личного состава совнарсудов, особых сессий и исправительных учреждений общегосударственного значения.

Разнообразие местных условий требует внесения известных коррективов в общегосударственный налоговый план. В силу этого издано

11) **Постановление ВЦИК и СНК от 26 августа «о предоставлении Киргизскому ЦИК права введения в Кирреспублике кибиточного и местного дорожного сборов на удовлетворение расходов по местному хозяйству»** («Изв. ВЦИК» от 27 августа, № 192). Эти сборы вводятся взамен денежного подворного налога, неприменимого в условиях кочевой и полукочевой жизни. Однако, согласно общему правилу, он должен быть предварительно утвержден НКФ и НКВД РСФСР.

Те же особенности кочевого хозяйства повели к изданию, по

12) **Постановлению ВЦИК от 26 августа, основного закона о трудовом землепользовании в Кирреспублике** («Изв. ВЦИК» от 31 августа, № 194). Признаны права скотоводческо-кочевых способа землепользования.

Не прошло еще месяца со времени издания постановления СТО от 27 июля, подтвердившего воспрещение покупки и продажи иностранной валюты и благородных металлов, как напор рынков—внешнего и внутреннего, не признающих этих ограничений, и стремление оградить интересы госпредприятий повели к изданию

13) **Постановления СТО от 15 августа об организации котирующей комиссии** («Изв. ВЦИК» от 27 авг., № 192), имеющей своей задачей установление курсов иностранной валюты и благородных металлов и курса золотого руб., прежде определявшегося Госбанком. Все расчеты по договорам, заключенным после открытия действий комиссии производятся по курсу, определенному на день расчета. По договорам, заключенным до учреждения комиссии, расчет производится по курсу дня, увеличенному на 50%. Мера, принятая СТО, носит временный характер до учреждения фондовых бирж в законодательном порядке. Издание такого законодательного акта, долженствующего придать определенную устойчивость валютным операциям госучреждений и предприятий, требует большой спешности. Одновременно должна быть определена судьба бездействующей ст. 138 Угол. Код., карающей спекуляцию с иностранной валютой в обмен на советские денежные знаки.

Вопросы транспорта занимают видное место в ряду других вопросов народного хозяйства.

14) **Постановление ВЦИК и СНК от 31 авг. о передаче предприятий местного транспорта из ведения НКПС в ведение отделов коммунального хозяйства губисполкомов** («Изв. ВЦИК» от 3 сентября, № 197) проводит в области местного транспорта начало децентрализации, получившее свое применение и в других областях народно-хозяйственной жизни. Шоссейные дороги местного значения, грунтовые дороги и

переправы со всеми их аппаратами и перевозочными средствами передаются в ведение коммунальных отделов. Губисполкомы на местах устанавливают организационные формы управления местным транспортом.

15) **Постановлением Президиума ВЦИК от 4 сентября («Изв. ВЦИК» от 6 сентября, № 199)** отменены последние ограничения передвижения на путях сообщения. Проездные билеты выдаются без предъявления удостоверений, пропусков, разрешений и виз на въезд в ту или иную местность, либо выезд из нее.

16) Согласно **Постановлению Президиума ВЦИК от 4-го сентября («Изв. ВЦИК» от 6-го сентября, № 199)**, основанного на соглашении Наркомпроса РСФСР, Наркомпути и Цекрана, все культурные потребности на транспорте в пределах автономных республик должны удовлетворяться за счет местных средств со включением соответствующих ассигнований в сметы местных наркомпросов.

17) **Постановлением Президиума ВЦИК от 4-го сентября о служебных вагонах строящихся железных дорог** («Изв. ВЦИК» от 6 сентября, № 199) дополнены действующие правила о протекционных вагонах.

Важное значение горной промышленности — добыча и разработки металлов, руд, солей, нефти, угля, сланцев, торфа, камней и т. д. — и необходимость в наблюдении за выполнением соответствующих мер, требуемых техникой безопасности, явились основанием для издания

18) **Постановления ВЦИК и СНК от 31 авг. о горном надзоре** («Изв. ВЦИК» от 3 сент., № 197). Управление горным надзором сосредоточивается в Главном управлении горной промышленности ВСНХ и в его местных органах. Правила и инструкции по технике безопасности вырабатываются ВЦСПС по соглашению с Главным управлением горной промышленности.

19) **Постановление ВЦИК и СНК от 24 августа о соблюдении правил об охоте** («Изв. ВЦИК» от 27 августа, № 192) предлагает всем органам власти следить за точным и неуклонным соблюдением правил об охоте, выработанных Наркомземом и опубликованных в №№ 13 и 14 «Известий ЦК Всероссийского союза охотников и Центроохоты», придавая, таким образом, этим правилам законодательную санкцию.

20) **Постановлением СНК от 24 августа («Изв. ВЦИК» от 5 сентября, № 198)** действующие постановления о льготах для груза, следующего в адрес глав дипломатических представительств, разъяснены в том смысле, что они состоят в освобождении груза не только от платежа таможенных пошлин, но и от платежа акциза.

21) **Постановлением Президиума ВЦИК от 31-го августа («Изв. ВЦИК» от 1 сентября, № 195)** разъяснено, что органы советской печати, переведенные на хозяйственный расчет, обязаны помещать бесплатно материал о действиях и распоряжениях местной власти, если эти органы — единственные в губернии.

22) **Постановлением Президиума ВЦИК от 1 сентября о международном юношеском дне** («Изв. ВЦИК» от 2 сентября, № 196) международный юношеский день — первое воскресенье сентября месяца — объявлен государственным революционным праздником трудящейся молодежи РСФСР.

23) **Постановлением Президиума ВЦИК от 10 августа («Изв. ВЦИК» от 1 сентября, № 195)** значительная часть Юхновского уезда Смоленской губ. присоединена к Калужской губ.; остальная часть передана в Вяземский уезд.

М. Брагинский.

СУД и ЖИЗНЬ.

К 1-ой годовщине организации учебно-воспитательного дела в Вятском исправительно-трудовом доме.

Мрачные здания с решетками, известные в истории Вятки под названием «Арестантские роты» и «Исправительные арестантские отделения», и после Октябрьской революции вначале не внушали доверия работникам просвещения в смысле возможности вести там какую-либо культурную работу. Не говоря уже о том, что у нас в Вятке, как и всюду, вообще, не было лиц, которые интересовались бы тюремным делом, кроме того, у многих педагогов, принципиально и желавших отдать свои силы работе на тюремном поприще, как нам о том хорошо известно, существовало еще по традиции от прошлого неверное представление о местах лишения свободы, как о клоаках, где заключенных морят голодом и держат чуть не голыми, где свирепствует тиф и т. д.

В 1921 году было опубликовано «Положение о местах заключения РСФСР», утвержденное Народным Комиссариатом Юстиции еще 15 ноября 1920 года, и интересующиеся тюремным делом сразу могли убедиться в неосновательности подобных нападок на Управление местами лишения свободы. В связи с опубликованием этой «тюремной конструкции» число работников, желающих посвятить себя делу перевоспитания лиц, вступивших в столкновение с законом, стало увеличиваться. Нашелся человек с юридическим образованием и педагогическим опытом и для Вятского исправительно-трудового дома, который 28 июля 1921 года занял должность заведывающего учебно-воспитательной частью, а за ним пошли и другие педагоги в качестве воспитателей.

Тяжела, слишком тяжела была работа, выпавшая на долю этих пионеров на воспитательном поприще в Вятском трудовом доме, но все же, если подвести итоги их незаметной работе и учесть их незначительный количественный состав (4—5 чел.) среди столь большого населения исправительного дома (свыше 1000 чел.), то нельзя не приветствовать их культурные достижения в этой области.

Стремление воспитательного персонала пробудить в заключенных самоуважение и самостоятельность, направленные на собственное их исправление, внести облагораживающую струю во взаимные отношения надзора и заключенных, устранить грубость со стороны первого и дикие выходы со стороны вторых, путем личного примера учтивости и внимательного отношения к нуждам и запросам заключенных вызвало очень скоро самый теплый отклик в сердцах этих «неудачников в жизни» и способствовало самому доверчивому и признательному отношению заключенных к воспитателям. Вскоре почти все заключенные убедились в том, что воспитатели—их друзья, а не враги,—люди, которые пошли работать в малопривлекательной тюремной обстановке из-за желания искренно помочь им в заключении, рассеять тот мрак и невежество, в которых порок и преступление скрывают свои глубокие корни, душевно поддер-

жать их в минуту отчаяния добрым приветливым словом и содействовать скорейшему возвращению их в свободные ряды честных тружеников. И результаты не замедлили сказаться. Надзор, чувствуя постоянный контроль воспитателей, стал избегать грубого обращения с заключенными, а последние стали более ровно и спокойно держаться в отношении надзора и администрации. Даже выходы со стороны заключенных, вроде покушения на избивание надзирателей, выливания из окна на особенно ненавистных надзирателей нечистот из параша, исчезли совсем; грубая площадная ругань, прежде постоянно висевшая в воздухе, стала реже слышаться. Даже считавшиеся ранее у администрации и надзора столь страшными семнадцатая и восемнадцатая камеры, в которых содержались наиболее отчаянные рецидивисты и буяны и в которые никто раньше из администрации и надзора единолично не смел войти, без риска быть избитыми, стали после ряда дружеских бесед с воспитателями такими же скромными по поведению, как и другие камеры.

Много последнему способствовала и классификация заключенных, т.-е. распределение их по категориям и разрядам в целях индивидуализации мер воспитательного на них воздействия. Наиболее нравственно испорченные были отделены от случайных преступников, профессиональные и привычные преступники от впервые совершивших преступление. Несовершеннолетние, содержащиеся по приговорам судебных учреждений, как признанные комиссией о несовершеннолетних не подлежащими мерам медико-педагогического воздействия, находившиеся ранее в восемнадцатой камере нового корпуса, рядом с самыми отчаянными взрослыми рецидивистами, и благодаря столь милому соседству испытывавшие их «благотворное» влияние, были немедленно изолированы от всех взрослых в находящуюся совершенно особо камеру № 34. Мало того. Губернским исправительно-трудовым отделом уже утвержден проект перевода несовершеннолетних в трудовой дом № 2, где имеются вполне изолированные от взрослых три просторных светлых камеры для них. Результаты такого разобщения, наряду с культурной работой среди несовершеннолетних, скоро дали себя знать. Считавшиеся прежде в глазах администрации и надзора «неисправимыми» нравственно-искалеченные юноши.—этот продукт безпринятности и безпризорности буржуазного общества.—резко изменили свое поведение, обнаружили ранее находившиеся в скрытом состоянии задатки добрых чувств и идейные запросы и за последние 5—6 месяцев были даже представлены в значительной части (до 30%) к досрочному освобождению, как не нуждающиеся в дальнейшей изоляции от общества.

Удачный подход воспитательной коллегии к заключенным дал самые хорошие результаты и в смысле возможности достижения основной задачи их работы—всестороннего изучения личности и

характера заключенных, так как последние доверчиво делились с воспитателями всеми своими душевными переживаниями. Ознакомление с личностью заключенных производилось не только путем коллективных бесед в камерах и наблюдения за ними во время работ, но также и путем индивидуального анкетного обследования. За последнее время учебно-воспитательной частью была произведена также подготовительная работа к изучению наиболее интересных клиентов трудового дома с уголовно-антропологической точки зрения и уже сделаны первые шаги к образованию «тюремного музея», для чего приступлено к собиранию предметов, иллюстрирующих разнообразные стороны тюремного дела и тюремного быта в Советской России. Ясно, что собирание этих экспонатов (т.е. предметов, представленных на выставку) по особой системе, разработанной учебно-воспитательной частью ИТО, может дать очень много ценного материала для использования наукой, обществом и тюремными деятелями в целях наилучшего достижения пенитенциарных задач.

Считаясь с тем фактом, что среди заключенных исправдома имеется значительный процент неграмотных, учебно-воспитательная часть, прежде всего, направила свое внимание на надлежащую организацию школ грамоты. Ею были устроены две таких школы: одна постоянная в стенах трудового дома, другая временно на внешних работах около жел. станции «Чепца». Правда, в школьных занятиях среди заключенных все время серьезным препятствием были: недостаток учебных пособий и материалов и недостаток дров для надлежащего отопления помещения школы в зимние месяцы, но все же в деле ликвидации безграмотности достигнуты кое-какие успехи.

Имевшаяся библиотека была перестроена на общепринятую отделом народного образования десятичную систему, при чем на обучение библиотечному делу было обращено достаточное внимание для того, чтобы библиотечные ученики по выходе из заключения могли сами применять свои знания в библиотеках и читальнях Наркомпроса.

Исходя из тех соображений, что основная задача образования в местах лишения свободы заключается в том, чтобы помочь человеку усвоить обыкновенную житейскую мораль, пролить истинный свет на роль человека в обществе, на права и обязанности его, как гражданина, и привить правильные воззрения на значение труда в жизни человека, учебно-воспитательная часть стремилась, по возможности, заполнить весь досуг заключенных в праздничные и воскресные дни путем той или иной внешкольной работы с ними. Прежняя церковь—этот очаг лицемерия, тьмы и угнетения—перегороженная толстыми решетками, отделявшими «овец» от «козлищ», превратилась в подлинный храм света и вдохновения. Здесь теперь не только идут школьные занятия с неграмотными, ведутся беседы и читаются лекции заключенным, но также помещаются довольно богатая библиотека и читальный зал. Чтение лекций и бесед сводилось, главным образом, к литературным темам, к ознакомлению слушателей с произведениями русских писателей, затрагивающими нравственные понятия и жизненные идеалы и могущими содействовать выработке заключенными таких взглядов на

жизнь и отношения к другим людям, которые удаляли бы с преступного пути, а также к осведомлению заключенных с основными задачами исправительно-трудовой политики раб.-кр. власти.

Вместе с тем, памятуя о том, что театр является одним из самых могучих средств воспитательного воздействия на заключенных в целях их нравственного оздоровления, учебно-воспитательной частью были приняты самые энергичные меры к более или менее регулярной постановке спектаклей и концертов в стенах трудового дома по заранее намеченному репертуару. И, действительно, следует отдать честь воспитательной части в том, что редкое воскресенье проходило без спектакля или концерта, устраиваемых силами самих заключенных при содействии воспитателей, которые не только руководили их постановкой, но также во вступительном слове каждый раз знакомили аудиторию с основной мыслью, проводимой автором в пьесе или другом произведении. И нам не раз приходилось лично убеждаться в том, что театр для заключенных был не только местом душевного отдыха и развлечения, но также оживлял их мышление, усиливая его работу, и заставлял радоваться той светлой духовной радостью, которой чужды все житейские дразги и мелочи и которая одна только способна воскресить тлеющие в нашей душе задатки добрых чувств и возвышенных порывов.

Помимо обслуживания своих заключенных, воспитательной частью трудового дома в январе текущего года в помещении школьного городка был устроен показательный «вечер тюремных настроений». В то время, как концертное отделение этого вечера имело своей целью вызвать в зрителях образы мрачного прошлого в области тюремной жизни, того прошлого, когда еще сплошь и рядом раздавался «стон по тюрьмам и острогам» и «в рудниках на железной цепи»,—выставка художественных работ, исполненных заключенными в слесарном, токарном, столярном, ткацком, сапожном и лапотном цехах исправительно-трудового дома, и особенно выставка рисунков, диаграмм и плакатов, выставленных учебно-воспитательной частью, ставили своей задачей ознакомить широкие круги вятского общества с тем, что делается в настоящее время в исправительно-трудовых учреждениях Республики, вообще, и, в частности, в исправдоме № 2 в деле исправления заключенных посредством принудительного труда и культурно-просветительной работы среди них.

Имея в виду указания всей культурной истории человечества на то, что развитие и совершенствование человека всегда происходило и теперь происходит лишь в обществе себе подобных, а не в противоестественном уединении, что взаимное общение заключенных при наличии правильной и целесообразной постановки дела внутри тюрьмы не только не служит источником взаимного развращения (как то имеет место в европейских тюрьмах, преследующих цели возмездия, и имело ранее у нас в России), но, напротив, является важным фактором улучшения и развития характеров людей,—учебно-воспитательная часть путем разделения заключенных по категориям и разрядам стремится среди заключенных создать товарищескую среду, которая столь необходима для образования устой-

чивых настроений нравственного характера. Распределение заключенных по категориям согласно роду преступлений и разрядам «испытуемых», «исправляющих» и «образцовых» в зависимости от характера и степени исправления создает группы, благотворно влияющие на своих членов, благодаря уже простому совместному пребыванию в камерах, одинаковому труду, одним и тем же впечатлениям, общим переживаниям и однородным культурно-воспитательным воздействиям, образует ячейки, требующие взаимного уважения от своих членов и кладущие основу здоровому чувству общности, солидарности... Подтверждением сказанному служат устраивавшиеся отделом работ воскресники в пользу голодающих. Будучи лично мало заинтересованы в их устройстве*), многие из заключенных даже высших разрядов неохотно отзывались на призыв помочь своим свободным голодающим братьям, но пример наиболее чутких и отзывчивых к страданиям голодающих увлекал и других не только участвовать в добровольных пожертвованиях по подписному листу, но и выполнять тяжелые физические работы на воскресниках в пользу голодающих.

Наш очерк деятельности пионеров на воспитательном поприще в губернском исправительно-трудовом учреждении будет не полным, если мы не упомянем о той колоссальной работе, которая выполнялась ими для губернской распределительной комиссии по обследованию заключенных — следственных для ускорения затянувшегося на долгие месяцы для них следствия и срочных для представления в отпуск и к досрочному освобождению.

О том, насколько могучим стимулом («побудителем») к воспитанию в заключенных привычки к труду, к побуждению в них самостоятельности, без которой невозможно и самое их исправление, являются такие поощрительные меры, как увольнение в отпуск домой к родным (и особенно представление к досрочному освобождению, мы скажем в другой раз. Теперь же лишь отметим, как лучшее доказательство плодотворной работы воспитательского персонала за истекший год, тот факт, что с развитием воспитательного дела параллельно растет процент представляемых к досрочному освобождению исправившихся заключенных и падает общее число налагаемых дисциплинарных взысканий.

Но не следует забывать о том, что досрочное освобождение и другие исправительно-трудовые мероприятия — лишь внешние рамки, лишь оболочка, и если внутри этой оболочки не будет живого духа, воплощающегося в деятеле, полном самоотверженной любви, — все выводы и пожелания законодателя останутся лишь пожеланиями. И эту старую, общеизвестную истину, истину о том, что «система воспитания» должна быть «откровением любящего сердца и чистой души» педагога-воспитателя, должны непрестанно помнить те, кто фактически уже, на деле, благородно протянул руку помощи «падшим братьям», ибо только при этом условии тюремное воспитание перестанет быть, по жесткому слову великого писателя земли русской, «системой мер о том, как получше мучить людей».

Ю. Б.

Заметки к проекту Гражд. Процессуального Кодекса.

Кто не может быть представителем сторон.

Ст. 24 проекта Гражданского Процессуального Кодекса содержит в себе 5 обстоятельств, лишающих права быть представителем сторон.

Эта статья крайне неполна и в то же время совершенно без всякой необходимости лишает целый ряд лиц права быть представителем сторон. Безусловно можно согласиться с тем, что не могут быть представителями сторон лица, не достигшие 18 лет, что и соответствует ст. 64 Конституции РСФСР, согласно которой таковые лица не пользуются избирательными правами.

Также правильно, на наш взгляд, и литеры «б» и «в», не допускающие быть представителями сторон лиц, ограниченных в личных и общественных правах по судебному приговору, на все время ограничения, и лиц, состоящих под опекой. Но ст. 24 совершенно не предусматривает несостоятельных должников, между тем как положение о несостоятельности вырабатывается и, наконец, скоро будет введено. Если состоящие под опекой лишены права быть представителями сторон, то вполне логично было бы лишить этого права и несостоятельных должников. Так и было в старом уставе гражданского судопроизводства, по которому согласно ст. 246 не могли быть поверенными лица, признанные несостоятельными, до определения свойств их несостоятельности. Это положение

желательно ввести и в наш Гражданский Процессуальный Кодекс.

Та же ст. 246 устава гражданского судопроизводства лишала права быть поверенными монашествующих и священнослужителей белого духовенства, за исключением дел, в коих они ходатайствуют за духовное ведомство, а также за своих ближайших родственников. Если царское правительство, строившее все свое благополучие на ревнителях церкви, лишало попов и монахов права быть представителями сторон, то советская власть должна тем более лишить их этого права, точно оговоря это в Кодексе. Логичность введения этого ограничения вытекает и из литеры «г» ст. 65 Конституции РСФСР, по которой лишены активных и пассивных избирательных прав монахи и духовные служители церкви и религиозных культов.

Далее, ст. 24 лишает права быть представителями сторон и лиц, исключенных из коллегии защитников, но ничего не говорит о лицах судебного ведомства, уволенных от должности по судебному приговору. Между тем, если смотреть на судебного представителя, как на лицо, несущее общественно-правовые обязанности, то к исполнению таковых обязанностей нельзя допускать лиц судебного ведомства, уволенных от должности по суду. Ведь, увольнение от должности, согласно ст. 43 Уголовного Кодекса, применяется, как мера наказания, вы-

*) Участники таких воскресников получали лишь 20% заработной суммы на улучшение питания.

текающая из признания судом невозможности оставления обвиняемого в занимаемой им в момент осуждения должности. Представительство же на суде является не столько правом, сколько общественно-правовой обязанностью, а к исполнению государственных обязанностей можно допускать лишь вполне честных и неопороченных по суду граждан. Увольнение же от должности по суду судебного работника рождает его достоинство не только как гражданина, но и как судебного деятеля, а потому предоставлять такому лицу право работать в суде с несением даже иных общественно-правовых функций, на наш взгляд, является нежелательным. Литера «д» ст. 24 лишает права быть представителями сторон ни в чем неповинных лиц: ближайшие родственники нарсудей и секретарей су-

дов не могут быть представителями сторон в пределах района того совнарсуда, в ведении которого их родственники занимают должности нарсудей и секретарей судов. Следовательно, гражданин, вступая в должность нарсудьи в гор. Москве, тем самым закрывает своим сыновьям дорогу быть в Москве же защитниками. То же самое можно сказать и о братьях. Если один из братьев служит секретарем в одном из московских нарсудов, то другой брат уже тем самым лишен права быть представителем сторон в московских судах или, иначе говоря, не может быть членом московской коллегии защитников. Едва ли законодатель хотел сделать такой вывод.

Замуховский.

Дискуссионная страница по применению Уголовного и Уголовно-Процессуального Кодексов.

Вопросы и ответы.

1. Карается ли и по какой статье Угол. Кодекса доение чужих коров?

Доение чужих коров с целью использования молока должно рассматриваться, как простая кража чужого имущества (молока), и караться по ст. 180 Угол. Кодекса.

2. Карается ли употребление опиума, кокаина, гашиша и т. п.?

Карается лишь приготовление, скупка и сбыт таких веществ (ст. 139 и 215 Угол. Кодекса). Употребление этих веществ не наказуемо.

3. По какой статье карается непредставление сведений о родившихся и об умерших?

Может караться лишь в порядке наложения административных взысканий, но не в порядке судебном (см. цирку. НКЮ, № 71—«Еж. Сов. Юст.», № 28—29).

4. Каким наказаниям подвергается лицо, совершившее лесную порубку?

Лесные порубки караются по ст. 99 Угол. Кодекса. Если в обязательных постановлениях местных органов установлены иные карательные нормы, в частности, в отношении имущественных взысканий, народные суды не могут с этими нормами считаться.

5. Какое различие между ст.ст. 81 и 204 и 206 Уголовного Кодекса?

Ст. 81 должна применяться к гражданам, не состоящим на военной службе, т.-е. до момента принятия их на таковую приемным пунктом. Военнослужащие, т.-е. принятые на военную службу, по этой статье привлекаться не могут ни в каких случаях и подлежат ответственности за уклонение от военной службы только по ст.ст. 204—206 Угол. Кодекса, причем под ст. 206 подойдет и уклонение от продолжения военной службы путем представления подложных документов.

Самое изготовление таких документов военнослужащим для освобождения себя или другого военнослужащего должно рассматриваться, как приготовление к преступлению, предусмотренному ст. 206 Угол. Кодекса, и карается (на основании ст. 12 Угол. Код.) по 3 ч. ст. 85 Угол. Кодекса.

6. Какой уголовной ответственности подвергаются лица, выманившие обманом деньги под предлогом дачи в

обмен фальшивых денег на большую сумму, если фактически поддельных денежных знаков не изготовляли и не имели. Отвечает ли лицо, вступившее с ними в такую сделку?

Первые отвечают только как за мошенничество (ст. 187 Угол. Кодекса). Тот факт, что они кому-то (обманно) сообщали, что изготовляют фальшивые денежные знаки значения не имеет. Важно лишь то, что они в действительности фальшивых дензнаков не изготовляли.

Лицо, вступившее с ними в сделку, т.-е. выразившее намерение купить фальшивые дензнаки, уголовной ответственности не подлежит. Оно могло бы быть привлечено к ответственности, как пособник по ст. 85, если бы имелось в наличии указанное в этой статье преступление. Поскольку изготовление поддельных дензнаков не имело места, отпадает возможность привлечения кого-либо за пособничество этому (не имевшему в наличии места) преступлению.

7. По какой статье Угол. Кодекса карается убийство арестованными, совершившими какое-либо преступление, конвоира, сопровождавшего их в место лишения свободы?

Поскольку убийство конвоира имело целью для обвиняемых скрыться от наказания за совершение первоначального преступления, они подлежат ответственности по п. «а» ст. 142 Угол. Кодекса. Но помимо этого к ним должно быть предъявлено обвинение и по ст. 86 Угол. Кодекса, так как убийство это было сопряжено с сопротивлением представителю власти при исполнении им своих обязанностей. Наказание указанным лицам в виду этого должно быть назначено в пределах между высшей мерой наказания и восемью годами лишения свободы со строгой изоляцией (не касаясь применения ст. 28 Уг. Кодекса).

8. Какое различие между ст. 76 и 2 ч. ст. 184 Уголовного Кодекса?

2 ч. ст. 184 имеет в виду частный случай бандитизма, предусмотренного ст. 76, т.-е. нападение с целью похищения имущества на частное лицо, соединенное с психическим насилием, грозящим смертью или увечьем. Поэтому всякий привлеченный по 2 ч. ст. 184 вместе с тем должен быть привлечен по ст. 76, как это вытекает из прямого смысла 2 ч. 184 ст. Уголовного Кодекса.

**

Обязательно ли участие секретаря в судебном заседании нарсуда и не влечет ли отмену приговора постановление его в заседании, в котором не было секретаря?

1. Уголовно-Процессуальный Кодекс, предусматривая участие секретаря в заседании (ст. 85, 266 и др.), преследует ту цель, чтобы в зале заседания присутствовало лицо, ведущее протокол и ответственное за его содержание. Поскольку народный судья сам исполняет обязанности секретаря, неся ответственность за исполнение всех действий, лежащих на секретаре, никакого нарушения Уголовно-Процессуального Кодекса не происходит.

2. Могут ли отстранить (отвести) себя от дачи свидетельского показания по делу супруг обвиняемого и его близкие родственники (родители, дети)?

Угол.-Процессуальный Кодекс решительно порывает с правилами, действовавшими в дореволюционных законах.

Поскольку государство заинтересовано в выяснении на суде истины, никаких препятствий для того, чтобы требовать даже у близких родственников обвиняемого дачи показаний по делу, устанавливать нельзя.

Из деятельности Народного Комиссариата Юстиции.

Проект Гражданского Процессуального Кодекса.

(Продолжение*).

ГЛАВА XVI.

Письменные доказательства.

Ст. 167. Всякие письменные акты, документы, деловая частная переписка принимаются судом в качестве доказательств при решении дела.

Ст. 168. Суд может по просьбе стороны и по собственному почину обязать противника представить находящийся у него документ.

Ст. 169. Сторона, требующая от другой стороны или от третьих лиц представления документа, должна обстоятельно означить требуемый документ и указать основания, по которым она предполагает, что документ находится у противной стороны, а также означить обстоятельства, которые могут быть доказаны требуемым документом.

Примечание. Не могут быть приобщены к делу документы, оглашение которых сопряжено с нарушением государственной тайны.

Ст. 170. Подлинные документы, требуемые от учреждений, направляются непосредственно в суд, все остальные документы, а равно копии и всякого рода справки, могут быть выданы и сторонам для представления в суд.

Ст. 171. Третьи лица, не имеющие возможности в установленный судом срок представить требуемый документ, обязаны известить об этом суд с указанием причины. В случае неуважительности причины, а также в случае неизвещения, суд может наложить штраф согласно главе V настоящего Кодекса.

Ст. 172. В случае отказа стороны от представления требуемого документа, если судом установлено, что документ находится у нее, суд может признать доказан-

**

На-днях Наркомюст, дал раз'яснение принципиального характера по вопросу о том, могут ли неграмотные быть народными заседателями. Наркомюст раз'яснил, что этот вопрос должен быть разрешен в положительном смысле. Даже в дореволюционное время, когда царскому правительству было выгодно устранить безграмотную бедноту от серьезных государственных функций—быть присяжными заседателями,—все-таки неграмотные не были ограничены в праве быть присяжными. Ценз неграмотности не был установлен и в шестидесятых годах прошлого столетия, когда вчерашние неграмотные рабы—крепостные—приобрели внешние права свободных людей. И если, по ряду политических причин, царскому правительству не удалось, наряду с другими ограничениями цензового характера, ввести еще одно ограничение о полном устранении неграмотных от участия в суде, то тем более было бы неуместно ввести такое ограничение в пролетарском суде, да еще чрез 5 лет после Октябрьской революции. Ссылка на формальное требование 341 ст. Уголовно-Процессуального Кодекса об обязанности судей подписывать резолюцию суда не является убедительной, так как подпись народного заседателя, в случае его неграмотности, может быть заменена крестом или каким-либо другим знаком, что и удостоверяется судьей и другим заседателем.

ными те обстоятельства, в подтверждение которых они требуются.

Ст. 173. Документы, представленные суду одной стороной, могут служить доказательством в пользу другой, хотя бы сторона, представившая их, впоследствии от них отказалась.

Ст. 174. В случае представления копии документа суд может потребовать представления подлинника. Если подлинный документ не будет представлен, суд, по обстоятельствам дела, оценивает, какое значение может иметь копия.

Ст. 175. Если представление в суд документов является затруднительным, вследствие их многочисленности или вследствие того, что только часть из них имеет значение для дела, суд может потребовать представления надлежащим образом засвидетельствованных выписок или произвести осмотр документов на месте.

Ст. 176. Если в представляемых документах имеются сведения, не относящиеся к делу, и их оглашение может повредить противной стороне или третьим лицам, суд, по просьбе заинтересованных лиц, допускает представление выписки в соответствующей части из документа и поручает одному из членов суда проверку выписи.

Ст. 177. Документы, писанные не на языке, на котором происходит суд, представляются с переводом и рассматриваются судом по переводу.

Ст. 178. Письменные доказательства могут быть оспариваемы на общем основании, за исключением случаев, указанных в законе указанных.

Ст. 179. В случае заявления стороны, что представленный к делу документ является подложным, представившая документ сторона может взять таковой обратно.

Ст. 180. Если по требованию стороны, представившей заподозренный документ, таковой оставляется в деле в качестве доказательства, то сторона, заявившая о под-

*) См. № 33 „Еж. Сов. Юст.“.

ложности документа, обязана в семидневный срок представить доказательства подложности документа.

Ст. 181. Поверка подложности производится:

а) освидетельствованием документа и сравнением его с другими документами;

б) допросом свидетелей, указанных в документе или на которых ссылаются стороны, а равно вызванных судом по своей инициативе;

в) сличением почерка и подписи на заподозренном документе с подписью того же лица на других бесспорных документах;

г) путем экспертизы.

Ст. 182. В случае признания документа подложным

таковой устраняется в качестве доказательства и дело о подлоге направляется в порядке 101 ст. Уголовно-Процессуального Кодекса прокурору.

Ст. 183. Если сторона, заявившая о подлоге документов, обвиняет в нем прямо кого-либо, суд возбуждает обвинение в уголовном порядке и приостанавливает производство, если документ имеет существенное значение.

Ст. 184. Если в уголовном порядке дело прекращено или приговором не разрешен вопрос о подложности, суд, по просьбе стороны, производит проверку документа в порядке ст. 181.

(Продолжение следует).

Практика Высшего Судебного Контроля.

Назначение торгов на торговые помещения, занятые правительственными учреждениями, без предварительного отказа их от помещения, недопустимо.

Народный Комиссариат Юстиции по Отделу Высшего Судебного Контроля слушал дело по жалобе Института Экономических Исследований Наркомфина на решение народного суда 4-го отд. 1-го Городского района гор. Петрограда по иску жалобщика о признании недействительным договора аренды, заключенного отделом недвижимых имуществ с гр-ном Трейдепом.

Усматривая из производства по делу:

1) что по договору от 20-го марта 1922 г., за № 1259, Петроградский отдел недвижимых имуществ сдал в аренду ювелиру Трейдепу магазин—помещение, занимаемое в течение нескольких лет Институт Экономических Исследований Наркомфина в доме под № 43 по проспекту 25 октября;

2) что на основании указанного договора Институт Экономических Исследований Наркомфина 24 марта с. г. было предъявлено от имени ОНИ требование об очищении сданного гр-ну Трейдепу помещения;

3) что, ввиду отказа от добровольного аннулирования указанного договора, Институт Экономических Исследований Наркомфина предъявил в народном суде 4-го отделения 1-го Городского района г. Петрограда иск о признании недействительным арендного договора, заключенного 20-го марта 1922 г. между Петроградским ОНИ и гр-ном Трейдепом, в удовлетворение какового искового требования народным судом 13-го мая 1922 г. истцу было отказано;

4) что принесенная истцом кассационная жалоба на решение народного суда оставлена советом народных судей 3-го июля 1922 г. без последствий и

5) что в поступивших в Петроградский отдел юстиции 10-го июля с. г. двух заявлениях истец возбуждает пред Наркомюстом ходатайство об отмене состоявшегося по делу решения в порядке высшего судебного контроля, каковое ходатайство отдел юстиции считает подлежащим оставлению без последствий, не находя в настоящем деле нарушения законоположений, действующих по предмету сдачи в аренду торгово-промышленных помещений, и принимая во внимание:

1) что 1 статья Инструкции СНК об оплате и порядке сдачи торгово-промышленных и складочных помещений от 2-го декабря 1921 г. допускает сдачу в аренду названных в ней имуществ лишь с торгов;

2) что за государственными учреждениями, профсоюзами и кооперативными объединениями рабочих и служа-

щих той же статьей удержано право получить новые, раньше незанятые ими помещения в свое пользование без торгов, причем, попятно, конечным моментом использования ими этого права является момент начала торгов;

3) что поэтому торги, без отношения к числу заявившихся на отдельное помещение претендентов, обязательно должны быть назначаемы, тем более, что только официальным протоколом установленное признание торгов несостоявшимися за отсутствием соревнователей дает в силу 10 ст. Инструкции СНК от 2-го декабря 1921 г. коммунальному праву на сдачу торгово-промышленных помещений в аренду частным лицам без торгов, и

4) что государственные учреждения, занимавшие в момент издания Инструкции СНК от 2-го декабря 1921 г. определенные помещения, уже самым фактом отсутствия с их стороны отказа от таковых и непрерывавшегося занятия их, должны считаться предъявившими требование о сохранении за ними прав на эти помещения, так как вся редакция означенной Инструкции не оставляет сомнения в том, что учреждения, в ст. 1-й названные, не подчиняются ей относительно помещений, которые они занимали во время издания Инструкции: заявка для них обязательна только на новые, не находящиеся в их распоряжении помещения; всякое другое толкование равносильно лишению этих учреждений прав, им в свое время законно предоставленных, что могло бы последовать только в силу предписания специального закона, ясно и точно в этом смысле формулированного, а отнюдь не может предполагаться; нельзя поэтому признать правильным требование народным судом и советом народных судей особой заявки со стороны Института Экономических Исследований Наркомфина на помещения, находящиеся уже несколько лет в его распоряжении,—

Народный Комиссариат Юстиции по Отделу Высшего Судебного Контроля определил:

решение народного суда 4-го отделения 1-го Городского района гор. Петрограда от 13-го мая 1922 г., утвержденное Петроградским губернским советом народных судей 3-го июля 1922 г., за нарушением 1 и 10 ст. ст. Инструкции СНК от 2-го декабря 1921 г., по иску Института Экономических Исследований Наркомфина к отделу недвижимых имуществ Петроградского Совета РК и КД и гр-ну Трейдепу о признании недействительным договора аренды, ими 20-го марта 1922 г. совершенного, признать не имеющим законной силы и передать дело для нового рассмотрения в народный суд другого участка по определению Петроградского совета народных судей.

(Определение по гражд. делу № 1064—1922 г.).

Практика Особой Коллегии Высшего Контроля по земельным спорам*).

I. Предоставление для ведения культурного хозяйства земель сверх нормы допустимо из фактического пользования данного хозяйства, а не из трудового пользования других лиц и обществ.

1922 года августа 11 дня Особая Коллегия Высшего Контроля по земельным спорам в составе: председательствующего И. А. Миртова, членов: от Наркомзема—М. А. Гарскова и от Наркомюста—А. В. Белоруссова при докладчике по делу старшем специалисте Б. К. Тумском слушала дело об отводе 27 десятин земли под культурное хозяйство гр-ну Честнову Рузского уезда Московской губернии. Рассмотрев обстоятельства дела и принимая во внимание: 1) что по декрету от 27 мая 1920 года о культурных хозяйствах возможно предоставление последним в пользование сверх нормы только той земли, которая фактически находится в пользовании этих хозяйств; 2) что декретом этим не предусматривается возможность сверхнормной прирезки земли из земель трудового пользования, фактически не состоящих в пользовании этих хозяйств; 3) что ходатайство гр. Честнова сводится именно к такой прирезке из земель, которыми он не пользуется и которые находятся в пользовании дер. Мал. Иванцево, и 4) что поэтому ходатайство гр. Честнова удовлетворению не подлежит и решения земорганов представляются неправильными, Особая Коллегия постановила:

решение Мосгубземотдела от 23 мая с. г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в Мосгубземкомиссию, руководствуясь вышеприведенными указаниями.

(Определение № 1020—1922 г.).

II. Для полного передела земли требуется решение простого большинства общества (согласно декрета о трудовом землепользовании—Собр. Уз. № 36 1922 г.), а не квалифицированного большинства в $\frac{2}{3}$ голосов, как того требовал ныне утративший в этой части силу декрет о переделах от 30 апреля 1920 г. (Собр. Уз. № 35 1920 г.).

1922 года августа 11 дня Особая Коллегия Высшего Контроля по земельным спорам при Наркомземе в составе председательствующего И. А. Миртова, членов: от Наркомзема—Н. П. Рудина и от Наркомюста—А. В. Белоруссова при докладчике по делу старшем специалисте В. К. Тумском слушала дело о полном переделе земли в с. Лайково Московской губернии и уезда.

Рассмотрев дело и находя: 1) что по произведенному точному подсчету за передел высказалось 216 человек, против 156 нежелающих передела и при 28 воздержавшихся от голосования; 2) что это составляет бесспорное простое большинство общества; 3) что с изданием декрета о трудовом землепользовании от 22 мая с. г. для производства полных переделов не требуется более $\frac{2}{3}$

членов общества и переделы производятся простым большинством (ст. 1, 6, п. «а» ст. 11), декрет же о переделах от 30 апреля 1920 года в этой части должен считаться потерявшим силу, и 4) что при таком положении решение Мосгубземкомиссии от 22 июня с. г., разрешившее передел, представляется правильным, Особая Коллегия постановила:

принесенную по настоящему делу жалобу части граждан с. Лайково оставить без последствий.

(Определение по делу № 1233—1922 г.).

III. Незаконность отмены губ. зем. управлением своего решения.

1922 года августа 12 дня Особая Коллегия Высшего Контроля по земельным спорам в составе председательствующего И. А. Миртова, членов: от Наркомзема—М. А. Гарскова и от Наркомюста—А. В. Белоруссова при докладчике по делу старшем специалисте Б. К. Тумском слушала дело о переделе усадебной земли в дер. Назарьево Вереянского уезда Московской губернии.

Рассмотрев обстоятельства дела и принимая во внимание: 1) что хотя передел усадебных мест сам по себе представляется незаконным, но так как решение губзема о переделе от 25/IV—1921 года уже вошло в законную силу и передел в значительной мере осуществлен в жизни, то оснований к отмене этого передела нет; 2) что тем менее имело право производить эту отмену само губзема решением своим от 30/III—1922 года, так как никаких вторичных решений земорганов по одному и тому же делу быть не может, и 3) что губзема по настоящему делу допустило дважды неправильности, разрешив передел в нарушение ст. 124 Инструкции и спустя год самовольно его аннулировав, Особая Коллегия постановила:

решение Мосгубзема от 30 марта с. г. по настоящему делу отменить, оставив в силе решение того же губзема от 25 апреля 1921 года. Мосгубзему поставить на вид допускаемые им неправильности в производстве судебных дел и предложить в дальнейшем строго согласоваться с законом.

(Определение по делу № 851—1922 г.).

IV. Дела о земельных участках и садах, предоставляемых в эксплуатацию не в порядке трудового наделения, а хозяйственным распоряжением земуправления, не подлежат рассмотрению в спорном порядке в земкомиссиях.

1922 года августа 18 дня Особая Коллегия Высшего Контроля по земельным спорам при Наркомземе в составе председательствующего И. А. Миртова, членов: от Наркомзема—М. А. Гарскова и от Наркомюста—А. В. Белоруссова при докладчике по делу старшем специалисте Б. К. Тумском слушала дело по спору между отделом управления Моссовета и Главным управлением принудительных работ НКВД о праве пользования фруктовыми садами при Семеновском и Новоспасском концентрационных лагерях.

Рассмотрев обстоятельства дела и принимая во внимание: 1) что сады предоставлены отделу управления не

*) Ввиду безусловной необходимости для судебных работников на местах знакомиться и следить за принципиальными решениями по земельным спорам центрального органа в „Ежен. Сов. Юст.“ регулярно будут помещаться все принципиальные, интересные кассационные определения и определения в порядке высшего контроля, постановленные Особой Коллегией Высшего Контроля по земельным спорам. Редакция.

в порядке трудового наделения, а в порядке хозяйственного использования свободных, состоящих в распоряжении Мосгубземуправления земель; 2) что при таком положении не может возникать вопроса о праве на пользование данными садами, а лишь вопрос о целесообразности их предоставления тому или иному учреждению; 3) что вопрос этот подлежит рассмотрению земельных органов не в порядке рассмотрения спорных земельных дел—в земкомиссиях, а в обычном административном порядке в коллегии земуправления, и 4) что поэтому настоящее дело неправильно принято к рассмотрению губземкомиссией, Особая Коллегия постановила:

решение Мосгубземкомиссии от 22 июля с. г. отменить и все дело производством в земельных органах в спорном порядке прекратить.

(Определение по делу № 1264—1922 года).

V. Национализированные строения не могут быть возвращены бывшим собственникам.

1922 года сентября 15 дня Особая Коллегия Высшего Контроля по земельным спорам в составе председательствующего Н. А. Миртова, членов: от Наркомзема—М. А. Гарскова и от Наркомюста—А. А. Лисицына при докладчике по делу старшем специалисте В. Е. Бузанове рассмотрела дело по вопросу о возвращении дома и надворных построек бывш. собственнику дер. Назарово Одерихинской волости Владимирского уезда и губернии Алексееву. Дело возникло по жалобе Алексеева на постановление Владимирской земельной комиссии от 18-го августа 1922 года. Обстоятельства дела таковы: «Алексеев в 1910 году купил участок земли в дер. Назарово в количестве 50-ти десятин, из коих 4 десятины заняты садом, домом и надворными постройками. До революции Алексеев возделывал участок земли при помощи наемного труда. В 1918 году

земля, принадлежащая Алексееву, была распределена между обществами села Назарово и Батюниково, сам же Алексеев был наделен землей по трудовой норме в обществе граждан деревни Назарово. Дом, принадлежавший Алексееву, сдавался просветительным кружкам. В 1922 году, когда дом освободился, Алексеев возбудил ходатайство перед Владимирским уездным управлением о возвращении дома и построек. Коллегия Владимирского уездного управления в просьбе Алексееву отказала, как эксплуатирувавшему чужой труд. Алексеев обжаловал постановление уездного управления во Владимирскую губземкомиссию. Владимирская губземкомиссия в своем заседании от 18 августа 1922 года постановила утвердить постановление Владимирского уездо, предоставив гр-ну Алексееву право пользования помещениями для жилья и надворными постройками на арендных началах сроком не более 3-х лет, предоставив уездному управлению установить плату с подписанным договором. Дело по жалобе Алексеева поступило в Особую Коллегию Высшего Контроля.

Особая Коллегия, рассмотрев настоящее дело и принимая во внимание:

1) что постройки гр-на Алексеева были национализированы в соответствии со статьей 7 декрета о социализации земли («Собр. Уз.», № 25—1918 г., ст. 346) в виду петрулоного характера хозяйства Алексеева;

2) что вопрос о возвращении Алексееву строений может быть решен административным распоряжением уполномоченного или губисполкома в зависимости от политических и хозяйственных соображений,—определила:

жалобу гражданина дер. Назарово Алексеева на постановление Владимирской губземкомиссии от 18-го августа 1922 года оставить без последствий.

(Определение по делу № 1414—1922 г.).

ХРОНИКА.

К организации юридических школ.

22 сентября Государственный Ученый Совет рассматривал представление Наркомюста об организации 10 областных юридических школ с одногодичным курсом для подготовки судебных работников.

Предварительно учебный план был рассмотрен в особой комиссии Главпрофобра, где был представлен ряд замечаний, и уже в переработанном виде учебный план поступил в Государственный Ученый Совет.

После обсуждения Государственный Ученый Совет выделил комиссию в составе т.т. Стучки, Магеровского

и Славина для окончательной разработки учебного плана, после чего последний вносится вновь в Государственный Ученый Совет на утверждение.

Параллельно с рассмотрением учебного плана идет работа по утверждению сметы. Когда удастся осуществить открытие юридической школы, хотя бы в Москве,—трудно сказать. Нужно, однако, полагать по всему движению вопроса, что в ближайшие же месяцы, но никак не позже января удастся осуществить организацию юридической школы и даже, быть может, юридической академии.

Всякие запросы с мест пока преждевременны.

ЗА РУБЕЖОМ.

Нарательная система Англии.

В «Contemporary Review» от августа 1922 года появилась статья Джильберта Томаса по поводу карательной системы Англии.

«Никогда,—пишет автор статьи,—вопрос этот не подвергался такой всеобщей критике». Объясняется это, отчасти, тем, что за последнее время многие выдающиеся лица (суффражистки или же арестованные во время войны), в силу различных причин испытавшие на себе тюремный режим, дали описания этой жизни. За последнее время по этому вопросу появилось много трудов. Наиболее значительными из них являются: книга сэра Evelyn Hughes-Brisses'a, бывш. председателя тюремных комитетов Англии—«Английская тюремная система», книга г-на и

г-жи Сидней Уэбба—«Английские тюрьмы в ведении местного самоуправления» и книга «Английские тюрьмы», являющаяся результатом деятельности особой комиссии по исследованию тюрем. Книга Hughes-Brisses'a неизбежно представляет официальную точку зрения. Автор, указывая на необходимость решительных реформ, тем не менее, пишет:

«Общественное мнение в своем стремлении к исправлению преступника склонно забыть главную и основную цель наказания, которой, по нашему мнению, является возмездие».

На эту точку зрения энергично нападает Бернар Шоу, написавший предисловие к книге Уэббов:

«Сохраняя элемент возмездия в наказании, вы должны унижить человека, стремясь же к его исправлению, вы должны улучшить его. Путем же унижений нельзя улучшить человеческую натуру».

Шоу дальше рисует те идеалы, к которым должна стремиться Англия. Уэббы же дают историю английских тюрем, начиная с 17 века. В настоящее время, за исключением смертной казни, установленной для убийств, и очень редких случаев применения розог, в английских тюрьмах не применяются физические наказания. Но можно с достаточным основанием утверждать, что грязь и жестокость, характеризовавшие английские тюрьмы даже в конце XVIII века, заменены внешней чистотой и однообразной суровой дисциплиной, которая, по своему влиянию на заключенных, является утонченной формой жестокости.

После изложения сущности последних книг автор статьи высказывает свою точку зрения на данный вопрос. Прежде всего, реформу карательной политики, по его мнению, не следует смешивать с тюремной реформой. В огромном своем большинстве все исследователи признают, что главный вопрос заключается не в реформе тюрем, а в том, чтобы как можно меньше преступников попадало в них.

Железная система, согласно которой все несут одинаковое наказание за совершение одинаковых преступлений — нарушает самые элементарные основы справедливости и почти уничтожает надежду на исправление преступника. Многие, ведь, страдают в различной степени физическими и умственными дефектами, другие являются жертвами тяжелых социальных условий. Нельзя игнорировать также различные мотивы. Система индивидуализации должна вступить на место сурового однообразия. «То, в чем мы нуждаемся — пингут Уэббы — это устройство различных категорий учреждений соответственно 10—12 главным групп,

на которые будут делиться заключенные». Предлагается также применение в широких размерах попечительства. В Англии попечительство было установлено законом 1907 г. Но этот закон, заключавший в себе великие возможности, не получил широкого применения и многие преступники, которые могли бы быть еще спасены для общества, благодаря познанию или упрямству судьи заключались в тюрьмы с ее растлевающей обстановкой. То же можно сказать о законе 1908 г. о предупреждении преступлений (Prevention of crimes Act).

Недостатки борстальской системы, созданной для юных преступников, достаточно, однако, вросших для помещения в реформатории, заключаются в слишком осторожном применении этой системы, а также в том, что низшие служащие вербуются из рядов обыкновенных тюремщиков, которые лишены необходимых данных для руководства и воспитания. Тем же недостатками страдает тюрьма Camp Hill на острове Уайт, созданная для «привычных преступников». Лицо, признанное привычным преступником, может быть приговорено к обыкновенному тюремному заключению на срок не более 10 лет в специально устроенной для этого тюрьме Camp Hill. При чем срок тюремного заключения назначается как можно короче. Режим в Camp Hill во многом отличается от режима обыкновенных тюрем — разрешается курить, допускаются газеты, общие обеды и игры.

Наконец, для известной категории существует еще более привилегированное положение (Parol lines). Здесь также служащие не пригодны для выполнения возложенных на них обязанностей. Кроме того, серьезным препятствием является то обстоятельство, что, прежде чем быть переведенным в Camp Hill, преступник должен отбыть заключение в обыкновенной тюрьме — со всеми отрицательными ее сторонами.

== ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ. ==

«Накануне» — орган сменовеховцев, дружественный советской власти. Это отношение, однако, не избавляет его от своеобразного подхода к тому, что было в России в революционный период до появления на свет божий течения сменовеховцев.

Так, передовая в № от 9 сентября посвящена специально вопросу о судебной реформе в России. Автор статьи упрекает интеллигенцию в саботаже, проявленном ею в эти годы, и заканчивает призывом, обращенным к высокообразованным юристам, составляющим «едва ли не большую часть интеллигенции», пойти на работу в органы юстиции.

Однако, рядом с этим искажается всякое представление о нашей юстиции за истекшее время. Откуда автор взял, что судебные функции осуществлялись «огромным количеством разнообразных органов»? У нас были недостатки, огромные недостатки, у нас был некоторый параллелизм судебных органов, но это очень и очень далеко от представления об «огромном количестве разнообразных органов». Автор утверждает, что «едва ли не всякий орган советского управления присваивал себе также и право суда».

Далее, в статье сообщается, что «пародные суды судили по «Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» с дополнениями и расширениями 1917 года и применением еще, обычно весьма произвольно, к революционным требованиям и революционному правосознанию».

Если эти сведения почерпнуты из того же источника, как и сведения о «великом множестве самых разнообраз-

ных судов», то остается ограничиться справкой, что знаменитый «Устав о наказаниях» давным давно сдан в архив, а судьям еще в 1918 году было запрещено ссылаться на законы свергнутого правительства.

«Накануне» и ныне, уже после твердого «принятия» Октябрьской революции, все-таки никак не может признать, что судебные учреждения возникли в ходе революции, а подчеркивает «всю анархичность их возникновения».

Несколько ошибочно представляют себе сменовеховцы привлечение юристов для работы в области юстиции. Губернские прокуроры комыле туются, конечно, из юристов, преимущественно из партийных юристов. Спец-юрист, саботировавший последние годы, не может получить должность губернского прокурора, деятельность которого весьма сложна и протекает в тесном контакте с губисполкомом, партиком и судьями.

Несомненно, однако, что юристы привлекаются на ответственные должности камерных и учетовых помощников прокуроров. Автор статьи выражает уверенность, что если «высокообразованные юристы» захотят, то они сумеют внести в новую организацию судебного дела России «не только старые навыки, но и то новое, что принесла человеческому правосознанию революция».

Нужно, чтобы эти юристы стали хотя бы на платформу «принятия» Революции с большой буквы. К сожалению, многие внесут пока только старые навыки и лишь со временем они способны будут вывариться в котле новой деятельности.

И. Славин

„КОММУНАЛЬНОЕ ДЕЛО“

Сборники Главного Управления Коммунального Хозяйства Н.К.В.Д.

по вопросам коммунального хозяйства

(Издание Торгового Отдела ГУКХ, Москва, пл. Революции № 1/2).

—<0>—

ВЫШЕЛ В СВЕТ ВТОРОЙ СБОРНИК

„КОММУНАЛЬНОЕ ДЕЛО“

за Январь—Май 1922 г.

(Второй год издания—№ 1)—22 печ. листа большого форма—
цена 600 руб. д. зн. 1922 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Комиссия ВЦИК по Коммунальному Хозяйству—Новые задачи Коммунального Хозяйства—М. Земблуктера. Коммунальное хозяйство и его организация—М. Петрова. К вопросу о местном бюджете—М. Беленького. Бюджетная практика местных советов—Э. Ганасси. Вопросы квартирной платы—Д. Шейниса. Предстоящая реформа постройки жил. помещений—Марковникова. Нужна ли канцелярия при экстенсивной застройке—Л. В.—**ХРОНИКА ЦЕНТРА**—Декреты, циркуляры, инструкции и распоряжения. **МЕСТНАЯ ХРОНИКА**—Коммунальное дело за границей—Обзор печати. Отзывы о книгах.

Печатается третий сборник „КОММУНАЛЬНОЕ ДЕЛО“ за июнь—сентябрь 1922 г.

Открыт прием об'явлений в журнал

„Еженедельник Советской Юстиции“.

тариф об'явлений:

1 стр. позади текста	15000 руб.
1/2 " " "	8000 "
1/4 " " "	4500 "
1/3 " " "	6000 "

Об'явления принимаются в Юридическом Книгоиздательстве НКЮ: Москва, Кузнецкий мост, д. № 7.

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция „Еженедельника Советской Юстиции“ обращается ко всем провинциальным издательствам, выпускающим юридические журналы и книги, с просьбой высылать их в Редакцию в обмен на „Еженедельник Советской Юстиции“.

НА СКЛАДЕ ГАЗЕТЫ

„ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ“

ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ ИЗДАНИЯ

РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ:

1. „НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО“ в 1920 году и за 1-ю половину 1921 г. Цена 100 р.
2. „НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО“ в 3-ю четверть 1921 г. „ 100 р.
3. „НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО“ за 1922 г. (март. выпуск) „ 100 р.

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

важнейших материалов по экономическим вопросам (по периодической общей и экономич. печати):

Выпуск 1, Январь 1922 г. Стр. 19 . . . (разошелся)	Выпуск 4, Апрель 1922 г. Стр. 40	Цена 100 р.
Выпуск 2, Февраль 1922 г. Стр. 30	Выпуск 5, Май 1922 г. „ 45	Цена 100 р.
Выпуск 3, Март 1922 г. Стр. 46	Выпуск 6, Июнь 1922 г. „ 41	Цена 100 р.

Комплекты газет 1918, 1919, 1920 и 1921 г.г.

Цена за комплект, за год, 1,000 руб. (комплекты имеются в самом ограниченном количестве).

Контора газеты принимает на себя поручения по высылке со своего склада различных изданий, книг, журналов по всем отраслям знания и по беллетристике, а также комплектует справочные библиотеки по вопросам народного хозяйства для местных хозорганов.

ЗАКАЗЫ выполняются срочным, по первому требованию, как наличным платежом, так и за наличный расчет.

СКЛАД ИЗДАНИЙ

газеты, прием подписки и объявлений в главной конторе газеты: Тверская, 38, Телефон 1-65-18.

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

важнейших материалов по экономическим вопросам (по периодической общей и экономической печати).

Ежемесячное издание газ. „Экономич. Жизнь“

Органа Совета Труда и Оборона.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ
НАСТОЛЬНОГО СПРАВОЧНИКА.

Цена каждого выпуска 100 руб.

Условия приема объявлений:

ЦЕНА за 1 стр.	20.000 руб.
„ „ 1/2 „	12.000 „
„ „ 1/4 „	8.000 „

Объявл. в 10 стр. нонпар. в виде названия, цели и адреса учреждения 1.000 руб.

Сверх того—10% в пользу Помгол.

Прием объявлений производится в главной конторе газ. „Экономическая Жизнь“, Тверская, 38
Телефон 1-65-18.

ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА ГАЗЕТУ

„Экономическая Жизнь“.

Условия подписки:

Подписная плата на 1 месяц 250 р.

Для подписчиков, подписавшихся на 5 месяцев, с 1 августа по 1 января 1923 г., размер подписной платы устанавливается 1000 р.

Деньги и переводы за подписку направлять в Главную контору „Экономической Жизни“—Москва, Тверская, 38

Подписка принимается также по всех отдел. главной конторы.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ для газет и журналов ИЗЯЩНЫХ

РИСУНКОВ и КЛИШЕ

ПРИНИМАЕТ НА СЕБЯ

Главная контора газеты

„ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ“

Москва, Тверская 38. Телефон № 1-65-18.

СОДЕРЖАНИЕ:

Декрет Совета Народных Комиссаров о коллективных договорах.—Циркуляры Народного Комиссариата Юстиции: №№ 84, 86, 87, 89.—Циркуляры Верховного Трибунала: №№ 127, 128, 129, 131, 132.

Постановление Совета Народных Комиссаров о коллективных договорах.

1. Коллективный договор есть добровольное соглашение профсоюзов с работодателями, коим определяется содержание будущих личных договоров найма.

2. Условия коллективного договора распространяются на всех лиц, работающих в предприятиях данного работодателя, независимо от того, состоят ли они членами профессионального союза, заключившего договор, или нет.

3. Коллективные договоры, распространяющиеся на всю территорию Республики, должны заключаться ЦК профсоюзов с центральными учреждениями или соответствующим центральным объединением хозорганов. Договоры, захватывающие несколько губерний, при наличии областных или районных отделений профсоюзов и хозорганов, заключаются этими последними.

Договоры губернского или уездного масштаба, а также договоры для отдельных предприятий и учреждений (как государственных, так и частных), заключаются правлением хозоргана или администрацией предприятия и местным соответствующим отделом союза (губернским или уездным).

При наличии генерального коллективного договора (для всей Республики) допускается заключение местных (локальных) договоров в случаях, оговоренных в самом генеральном договоре, и в предусмотренном им порядке.

4. Коллективные договоры подписываются президентом профсоюза и председателем и секретарем правления хозяйственного объединения; при единоличном управлении предприятием—ответственным его руководителем.

5. Наибольший срок, допускаемый для коллективного договора в отдельных отраслях промышленности, устанавливается Народным Комиссариатом Труда по соглашению с ВЦПС и, во всяком случае, не может превышать одного года.

6. Недействительны статьи коллективных договоров, ухудшающие положение труда сравнительно с условиями, определяемыми в законодательном порядке.

7. Разногласия госорганов с профсоюзом по вопросу о заключении коллективного договора, не разрешенные мест-

ной примирительной камерой, могут Наркомтрудом, по заявлению одной из сторон, передаваться на разрешение третейского суда.

Примечание. Настоящей статьей соответственно изменяется ст. 9-я постановления о примирительных камерах и третейских судах.

8. Коллективные договоры в недельный срок со дня их подписания подлежат обязательной регистрации НКТруда и его местных органов в зависимости от района действия договора.

9. Зарегистрированный коллективный договор вступает в силу со дня подписания его сторонами или в сроки, указанные в самом договоре.

10. Изменения в личном составе правлений, юридических лиц, заключивших коллективный договор, не могут быть причиной досрочного расторжения коллективного договора; в случае реорганизации предприятий и учреждений и при переходе их к другому владельцу зарегистрированные коллективные договоры остаются в силе в течение всего срока их действия.

11. Договоры, возобновляемые на прежних условиях на новый срок, а также все изменения, вносимые в договор по соглашению сторон до истечения его срока, подлежат регистрации (ст. 8) на общих основаниях.

12. Споры, возникающие между работодателями и рабочими на почве незарегистрированного по какой-либо причине коллективного договора разрешаются надлежащими учреждениями на основании действующего законодательства.

Зам. Председателя Совета Народных Комиссаров
А. Рыков.

Зам. Управляющего Делами **В. Смольянинов.**

Секретарь **Л. Фотиева.**

Москва, Кремль, 23 августа 1922 г.

(«Изв. ВЦИК», № 193 от 30 августа 1922 г.).

Циркуляры Наркомюста.

Циркуляр № 84.

Всем Губсовнарсудам, Губревтрибуналам.

Копия Губпрокурорам.

О финляндских гражданах, осужденных за преступления, совершенные до 14 октября 1920 г.

В силу ст. 35 мирного договора, заключенного РСФСР с Финляндией, и ст.ст. 2 и 3 соглашения об эвакуации от 12 августа 1922 года финляндские граждане, осужден-

ные судебными органами РСФСР за преступления, совершенные до 14-го октября 1920 года, подлежат:

1) амнистии за преступления политического характера и

2) выдаче финляндскому правительству по получению НКИД требования от последнего за преступления общего характера, не относящиеся к разряду тяжких.

В случаях возбуждения финляндскими гражданами ходатайства о применении к ним вышеуказанных статей мирного договора и соглашения об эвакуации Народный Комис-

сариат Юстиции предлагает направлять таковые ходатайства вместе с копией приговора или постановления, устанавливающего характер преступления и время совершения, а также и документы о финляндском гражданстве заявителя для рассмотрения в НКЮ.

Документами, устанавливающими финляндское гражданство, служат:

1) паспорта и виды на жительство, выданные бывш. финляндской паспортной экспедицией в Петрограде, а также губерскими полицейскими и леноманскими учреждениями бывш. великого княжества Финляндского;

2) пасторские свидетельства и выписки из мапталных списков или губерских книг, выданные финляндскими областями и заверенные представительством РСФСР в Финляндии;

3) документы, удостоверяющие отбытие воинской повинности в войсках бывш. великого княжества Финляндского.

Зам. Народного Комиссара Юстиции **Крыленко.**

Предревтриба **Карклин.**

21 сентября 1922 г.

Циркуляр № 86.

Всем Нарсудам, Губтрибуналам.

Копия Губпрокурорам.

О мерах по борьбе со взяточничеством.

Чрезвычайный рост преступлений, предусмотренных ст. 114 Уголовного Кодекса (дела о взяточничестве), заставил руководящие учреждения советской власти обратить особое внимание на борьбу с этими преступлениями, причем ударную роль проведения этой борьбы возложил на Наркомюст. В связи с этим, независимо от иных законодательных мер, в том числе и изменения текста ст. 114, Народный Комиссариат Юстиции предлагает под личной ответственностью председателей совнарсудов и губревтрибуналов под наблюдением губерских прокуроров проведение нижеследующих мер по борьбе со взяточничеством:

1) Кроме лиц, привлекаемых по делу о взяточничестве, в случаях, когда установлена прямая заинтересованность их во взятке, привлекать, равным образом, в качестве обвиняемых лиц, по отношению к коим установлена лишь осведомленность их об имевшей место взятке, по ст.ст. 16 и 114 Угол. Кодекса, как за пособничество; если же таковыми будут руководители учреждений, не принявшие соответствующих мер, таковые подлежат привлечению сверх того по ст. 107, как за бездействие власти, или по 110, в зависимости от результатов содеянного.

2) В целях придания борьбе со взяточничеством характера массовой и определенной кампании предлагается:

а) на основании примечания к ст. 31 Угол.-Прод. Кодекса при каждом совнарсуде установить специальную камеру, где сосредоточить наиболее крупные дела по взяточничеству, черпая заседателей для этой камеры из ударного списка, организуя по возможности и ее выездные сессии, и при трибуналах на основании ст. 6 Осн. Положения особые отделения с рассмотрением в этих отделениях дел о взяточничестве в порядке сокращенного судопроизводства по правилам ст.ст. 424, 427, 428 и 430 Угол.-Прод. Кодекса, без допущения сторон и с вызовом наименьшего количества свидетелей. Прокурорам первое донесение об исполнении и результатах настоящего циркуляра включать в октябрьский отчет;

б) при определении меры наказания на точном основании ст. 25 Угол. Кодекса обращать особое внимание на на-

личность признаков, предусмотренных п.п. «б», «г» и «ж» указанной статьи, применяя в данных случаях максимум наказания и сведя к минимуму применение по данной категории дел 28 статьи.

3) В случаях, если при рассмотрении дел по данным судебного следствия не окажется достаточных улик для признания привлеченных виновными, тем не менее, однако, будет установлена их социальная опасность, по роду занятий и связи с преступной средой—предлагается широко использовать предоставленное ст. 49-й Угол. Кодекса право в виде меры социальной защиты определять запрещение проживания им в определенных местностях Республики на срок до 3-х лет.

4) ЦИТО и подчиненным ему органам вести особую регистрацию лиц, осужденных по данной 4 категории, направляя их через ЦИТО для отбытия наказания в особо отдаленные места заключения (Архангельск, Урал, Сибирь).

5) Всем следственным розыскным органам принять меры к скорейшему окончанию дознанием и следствием находящихся в их производстве дел о взяточничестве с передачей их в соответствующие судебные учреждения—парсуды и трибуналы по подсудности.

6) Нарсудам и ревтрибуналам предложить в течение ближайшего месяца, начиная с 10 октября по 10 ноября, повсеместно и одновременно назначать к слушанию по возможности исключительно дела о взяточничестве, оповестив об этом в печати, дабы создать по всей Республике впечатление единой массовой и организовано-проводимой судебно-карательной кампании.

О получении циркуляра и принятии к исполнению телеграфно донести.

Зам. Народного Комиссара Юстиции и Ст. Помощник Прокурора Республики **Н. Крыленко.**

25 сентября 1922 г.

Циркуляр № 87.

Всем Совнарсудам.

О делах, подлежащих рассмотрению арбитражными комиссиями.

В виду издания Положения о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями («Изв. ВЦИК» от 23/1, № 214) и предприятиями НКЮ предлагает:

1) Народным судам с сего числа в свое производство не принимать дел, в которых обеими сторонами являются госучреждения и госпредприятия как оставленные на госснабжение, так и переведенные на хозрасчет.

2) Дела, находящиеся в судебных учреждениях, по которым судебных заседаний еще не было, подлежат прекращению и передаче в местные арбитражные комиссии.

3) Дела, по которым начато производство в народном суде, должны быть закончены и вынесено по ним решение.

4) Жалобы на означенные решения подаются в Высшую Арбитражную Комиссию в порядке, предусмотренном означенным Положением.

5) Все дела, находящиеся в совнарсуде, подлежат передаче в Высшую Арбитражную Комиссию, если предмет спора превышает 5.000.000 р.

Дела, по коим цена иска не превышает 5.000.000 руб., совнарсуд рассматривает в общем порядке.

Зам. Наркомюста **Крыленко.**

26 сентября 1922 г.

Циркуляр № 89.

**Всем Губернским Прокурорам, Председателям Сов-
варсудов, Всем Обл. и Губернским и Наркомаб-
принам Автономных Республик.****О разграничении компетенции органов прокуратуры и бюро
жалоб РКН.**

Укрепление государственной прокуратуры вызывает необходимость точного разграничения и размежевания компетенции органов прокуратуры и бюро жалоб РКН в области осуществления функций надзора за законностью действий всех должностных лиц и учреждений.

В целях избежания параллелизма и несогласованности в сопрягающейся работе прокуратуры и бюро жалоб в этой области Народные Комиссариаты Юстиции и Рабоче-Крестьянской Инспекции в дополнение существующих законоположений (Положение о Прокуратуре—ИЗВ. ВЦИК, 1922 г., № 132; Положение о бюро жалоб—С. У., 1919 г., № 23, ст. 271 и 272; 1921 г., № 49, ст. 254) **постановляют:**

1) При наличии в приносимых в бюро жалоб жалобах и заявлениях определенных указаний на явные признаки совершенных кем-либо преступных деяний, предусмотренных Угол. Код. РСФСР, или в случае, если таковые признаки обнаружатся в процессе или результате производного бюро жалоб по этим жалобам и заявлениям расследования, бюро жалоб, применительно к п. 2 ст. 96 Угол. Проц. Код., направляют эти дела для возбуждения против виновных в совершении преступных деяний лиц уголовного преследования, руководясь при направлении дела следующими признаками:

а) дело направляется непосредственно в соответствующий суд, если Угол. Кодексом определено за совершение означенных преступных деяний, как высшая мера наказания, лишение свободы на срок не свыше 1 года, и

б) в соответствующий орган прокуратуры—во всех остальных случаях.

2) При направлении дела в указанных в предыдущем пункте случаях бюро жалоб дают точную квалификацию

усмотренному преступному деянию со ссылкой на определенные статьи Угол. Код.

3) Произведенное бюро жалоб по таким делам, расследование должно служить для судебно-следственных властей и прокуратуры материалами дознания применительно к ст. 102 Угол. Проц. Код.; в этих случаях бюро жалоб является подобным прокуратуре и суду органом, содействующим последним в деле обнаружения и расследования преступлений, главным образом, должностных и хозяйственных.

4) Все поступающие в органы прокуратуры жалобы и заявления, содержащие указания на неправильные, нецелесообразные и хотя бы незаконные действия должностных лиц, но не содержащие признаков уголовно-наказуемых деяний и могущие быть разрешеными РКН в пределах предоставленных ей по закону полномочий (С. У., 1921 г., № 49, ст. 254; 1919 г., № 23, ст. 271, и 1922 г., № 32, ст. 384), передаются прокуратурой по принадлежности в соответствующие бюро жалоб НКРКН.

5) В случае неисполнения постановлений бюро жалоб лицами и учреждениями, которым они предъявлены, органы РКН сообщают об этом прокуратуре, обязывая в этих случаях возбуждать уголовное преследование против виновных по ст. 127 Угол. Код.

6) При назначении направляемых бюро жалоб дел в судебном порядке соответствующие судебные учреждения обязаны с дне поступления дела заблаговременно уведомлять бюро жалоб для предоставления последнему возможности командировать своих сотрудников в качестве обвинителей в порядке ст. 154 Уг.-Пр. Код.

Всекие междоветовственного характера споры, не вызываемые существом дела и тормозящие согласованную работу обоих учреждений, будут решительно пресекаться с наложением на виновных дисциплинарных взысканий.

Зампаркомост и Старший Помощник

Прокурора Республики Крыленко

Член Коллегии НКРКН Свидерский.

26 сентября 1922 г.

Циркуляры Верховного Трибунала.

Циркуляр № 127.

Всем Реввоен трибуналам.**О порядке помещения осужденных военнослужащих в
штрафные части.**

В ст. 32-й Уголовного Кодекса РСФСР, определяющей роды и виды наказания за преступления, предусмотренные названным Кодексом, отсутствует указание на возможность помещать в штрафную часть осужденных военнослужащих. Приказом же РВСР в согласии с Наркомостом от 7-го октября 1921 года, № 2206, устанавливался срок содержания осужденных военнослужащих в штрафных частях не свыше 6-ти месяцев, с передачей осужденных к большему сроку в распоряжение гражданских властей.

Находя, что помещение военнослужащих в гражданское место лишения свободы на срок не свыше 6-ти месяцев временно отрывает его из рядов Красной армии, останавливая вместе с тем его военное образование и воспитание, Верховный Трибунал считает целесообразным остановить в качестве меры наказания для военнослужащих, приговоренных к лишению свободы не свыше 6-ти месяцев, помещение в штрафную часть, но при условии, чтобы срок

пребывания в штрафной части не превышал 6-ти месяцев.

Вместе с тем Верховный Трибунал разъясняет, что в случае приговора военнопленных к принудительным работам (ст. 35 Уг. Код.) их надлежит помещать для отбывания этого наказания в штрафные части, при чем срок пребывания в штрафных частях не должен превышать 6-ти месяцев.

Председатель Военной Коллегии Верх. Трибунала ВЦИК
Ульрих.

Зам. Зав. Управсуднадзора Верхтриба ВЦИК **Уманский.**
15 августа 1922 г.

Утверждено пленумом
Верхтриба.

Циркуляр № 128.

Всем Реввоен трибуналам.**Раз'яснение Верхтриба в связи с применением Уголовного
и Уголовно-Процессуального Кодексов.**

Как видно из поступающих с мест материалов, в настоящий момент в связи с применением Уголовного и Уголовно-Процессуального Кодексов назрели и требуют разре-

пении следующие вопросы, которым Верховный Трибунал ВЦИК дает соответствующие разъяснения.

1) При вынесении уголовного наказания (36 ст. Уголовного Кодекса), кроме срока условного лишения свободы, должен быть назначаем особый испытательный срок не менее 3 и не свыше 10 лет (37 ст. Уголовного Кодекса), в течение которого условное наказание может быть исполнено.

2) Присоединяемое к наказанию поражение прав обнимает всю совокупность прав, перечисленных в ст. 40 Уг. Кодекса, а поэтому приговором нельзя лишать только части указанных прав. Сюда не относятся меры социальной защиты, перечисленные в 46 ст. Уголовного Кодекса, которые могут назначаться каждая в отдельности (50 ст. Уголовного Кодекса), независимо от поражения прав.

3) Многие статьи Особенной части Уголовного Кодекса имеют несколько частей, предусматривающих отдельные виды преступлений с различными наказаниями, а поэтому в приговоре следует указывать не только статью Уголовного Кодекса, но и ее часть.

4) При постановлении приговора по совокупности совершенных преступлений (30 ст. Уголовного Кодекса) следует сначала определить наказание за каждое преступление в отдельности, а затем уже назначить одно тягчайшее из присужденных наказаний.

5) Условно досрочное освобождение (хотя бы ходатайство было возбуждено распределительной комиссией) может быть применено не ранее отбытия осужденным половины срока наказания (55 ст. Уголовного Кодекса, 473 ст. Уголовно-Процессуального Кодекса).

Зам. Зав. Управсуднадзора Уманский.

16 августа 1922 г.

Циркуляр № 129.

Всем Реввоенжелдор. в водного транспорта Трибуналам.

О порядке представления отчетов о движении дел следчасти трибуналов.

В дополнение и изменение п. 1 циркуляра Верхтриба за № 35 от 16 марта 1922 года предлагается:

С 1-го августа 1922 года—момента введения Процессуального Кодекса в представляемые отчеты о движении дел следчасти включать лишь дела, находящиеся в стадии производства более двух месяцев с точным обозначением в соответствующих графах времени возникновения дела и его передачи на расследование, а равно указания какое число обвиняемых по делу содержится под стражей от 1 до 2, от 2-х до 3, от 3-х до 4, от 4 до 6 и от 6 и более месяцев, подразделив графу «число обвиняемых под стражей» на соответствующее изложенному число подграф. В ведомость надлежит включать все дела, как находящиеся в производстве следчасти самого трибунала, так равно и участковых следователей, с обязательным подробным указанием причин задержки следствия и мер, предпринимаемых для ускорения окончания дела.

И. д. Зампредвоенцентралколлегии Верхтриба ВЦИК
Крумин.

Зам. Зав. Управсуднадзора Уманский.

17 августа 1922 г.

Утверждено пленумом
Верхтриба.

Циркуляр № 131.

Всем Ревтрибуналам.

О занесении высылаемой Верхтрибом литературы в инвентарную книгу.

С января месяца 1922 года все ревтрибуналы, по распоряжению Верхтриба ВЦИК, снабжаются Юридическим Книгоиздательством НКЮ «Собранием Указаний и Распоряжений Правительства» и «Еженедельником Советской Юстиции», причем 11 сего августа предложено названному книгоиздательству рассылать не по одному экземпляру упомянутых изданий, как делалось до означенного числа, а по два экземпляра. Кроме того, всем трибуналам разосланы вышедшие в свет Уголовные Кодексы—материальный и процессуальный—в определенном Верхтрибом количестве на каждый из трибуналов.

Вся литература, как высланная, так и высылаемая, приобретаетс Верхтрибом за наличный расчет и является принадлежащей не отдельным сотрудникам трибунала, а последнему, как учреждению, и потому, составив его имущество, подлежит занесению в инвентарную книгу и должно тщательно храниться.

Ввиду этого, если при ревизии трибуналов обнаружится недостача литературы, то ответственность за таковую будет возлагаться на председателей трибуналов.

Изложенное предлагается принять к сведению и неуклонному исполнению.

Зам. Зав. Управсуднадзора Уманский.

21 августа 1922 г.

Утверждено пленумом
Верхтриба.

Циркуляр № 132.

Всем Ревтрибуналам.

Об оплате бумаг канцелярским сбором.

Ввиду поступающих с мест запросов относительно оплаты бумаг канцелярским сбором Верховный Трибунал разъясняет следующее:

Все, вообще, бумаги, поступающие в учреждения, не подлежат оплате канцелярским сбором, так как последний является платой за изготовление бумаг, исходящих из учреждения.

Что же касается правил взимания канцелярского сбора за выдаваемые судебными местами бумаги, то эти правила предусмотрены циркуляром НКЮ от 27 мая с. г., № 43 («Еженедельник Сов. Юстиции» №№ 19—20), согласно которому все выдаваемые судебными учреждениями и отделами и бюро юстиции бумаги участвующим в деле лицам, как по гражданским, так и по уголовным делам, как то: копии, выписки, свидетельства, удостоверения, справки, исполнительные листы и т. п., подлежат оплате канцелярским сбором; бумаги же выдаваемые не по просьбе заинтересованных лиц, а в силу обязательного требования закона (копии заключительного постановления следователя и приговора, повестки, извещения и т. п.) от оплаты канцелярским сбором освобождаются.

Изложенное сообщается для сведения и надлежащего исполнения.

Зам. Зав. Управсуднадзора Уманский.

23 августа 1922 г.